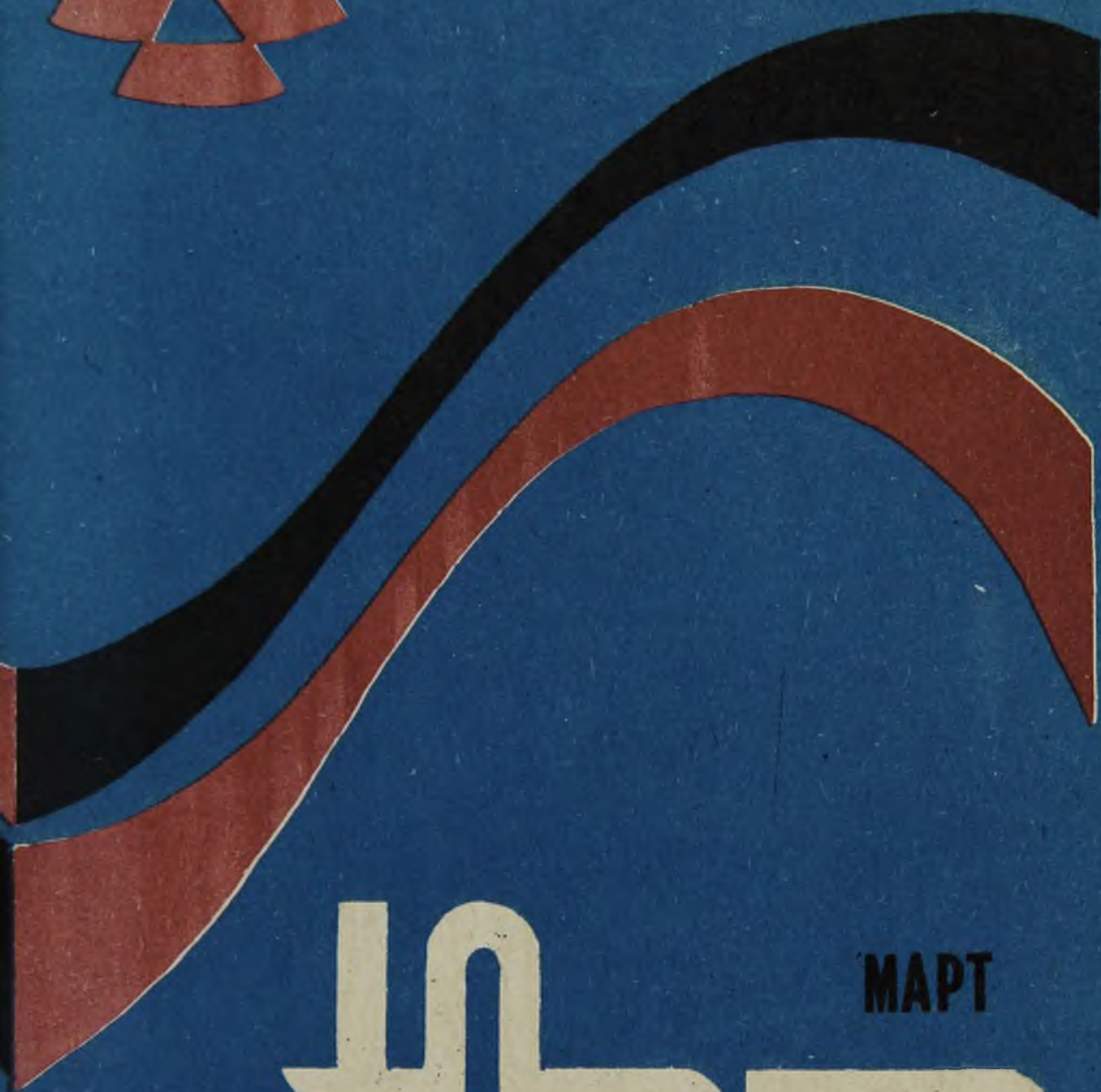


ISSN 0869—4788



10 МАРТ
102PA

3⁹³



Фото Л. БЕРЕЗНИЦКОГО

ЮГРА

№ 3 (17), март 1993 г.

Издается

с сентября 1991 г.

Выходит один раз в месяц

Историко-культурный журнал.

Учредители — администрация Ханты-Мансийского автономного округа, нефтяные акционерные компании «Аки-Отыр» и «Югранефть».

Редакционная

коллегия:

В. К. Белобородов

(редактор),

Н. И. Коняев (ответственный секретарь),

Л. В. Луцай,

Т. А. Молданова,

Ю. С. Хозяинов.

Технический редактор

В. Г. Куприенко

Адрес редакции: 626200,

г. Ханты-Мансийск,

ул. К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Журнал зарегистрирован исполкомом Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа. Регистрационный номер 7.

Подписаться на журнал можно с любого номера в местном отделении связи. О случаях отказа в оформлении подписки просим сообщать в редакцию.

Сдано в набор 10.02.93 г.

Подписано в печать 3.03.93 г.

Формат 60x84/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл.

печ. л. 3,74. Уч. изд. л. 4,48.

Тираж 2200. Зак. № 440.

Цена 10 руб. При розничной

продаже цена свободная.

Отпечатано в Шадринской типографии п/о «Исеть»

управления печати и массовой информации администрации Курганской области.

641800, г. Шадринск, ул.

Спартака, 6.

В НОМЕРЕ:

К нашим читателям	2
В. И. Вернадский. Из записок	3
В. Елфимов. В чем ошибался господин Дюма?	4
Т. Харамзин. Новая книга о Северной Сосьве	9
Е. Федорова. Проблемы развития традиционной культуры	10
О. Майорова. Интерес к прошлому	17
А. Иваненко. Хлебопашество на земле югорской	18
Н. Калымов. Выработка смолы и дегтя	24
С. Кокшаров. Северо-Запад Сибири в энеолите и бронзовом веке	26
И. Неклепаев. Демонологические представления сургутян	32
Ю. Надточий. Декабрист-сибиряк	39
Г. С. Батеньков. Стихотворения	44
Н. Д. Телешов. («Сибирские страницы»)	49
Е. Вдовенко. Стихотворения	50
«Так было». Устные рассказы	51
Т. Молданова. Узор «Глухарка сна»	53
Е. Ерныхова. Коробка из бересты	55
Говорите по-мансийски. Урок десятый	57
А. Заев. Топонимический словарь Югры (продолжение)	58
«Сделайте сами»	59
А. Зеленин. Опасные встречи	60
Ю. Гордеев. Большой пестрый дятел	62

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые северяне, земляки! Начинается подписка на газеты и журналы на второе полугодие, и редакция приглашает вас к сотрудничеству и сотворчеству, надеется на расширение круга подписчиков «Югры».

Мы полагаем, что надежды не беспочвенны. Каждый день редакция получает свидетельства того, что интерес к нашему журналу уже вполне четко обозначился и продолжает расти. Вот некоторые из читательских отзывов.

«Ко мне случайно попал один номер вашего журнала, и он мне очень понравился. Я работаю учителем литературы народов Севера. Ваш журнал станет моим помощником» (Т. Ю. Давыдова).

«Югра» — это журнал, которого не доставало людям неравнодушным, интересующимся жизнью и историей своего края. Я уверен, он объединит краеведов округа, живших до этого каждый своей мало кому известной жизнью, даст им возможность общения друг с другом. Листая журнал, я другими глазами увидел свой край. Все, что было забыто, как бы ожило вновь, воскресилось. Передо мной предстали люди, жившие до меня... Казалось, вижу, как они идут, чем занимаются, о чем говорят и мысленно представлял себя вместе с ними» (А. К. Михайленко).

«Всегда внимательно и с глубоким чувством удовлетворения читаю журнал «Югра», статьи которого способны разбудить душу даже железобетонного человека. Особенно когда журнал выступает в защиту Природы и Человека, а также за их единение. По моему мнению, журнал в этом направлении ведет дело на самом высоком профессиональном уровне» (А. И. Ганюшкин).

Эти и другие подобные отзывы радуют нас прежде всего тем, что они означают: есть немало людей, которым «Югра» нужна как постоянный собеседник, которые приветствуют каждый ее номер (а их вышло уже 17). И здесь, к сожалению, приходится сказать, что в конце 1992 г., когда шла подписка на текущее полугодие, не все желающие смогли подписаться. Нам известны случаи отказов в Мегионе, Междуреченске и в ряде сел и деревень — например, в Русскинских. Практически не проводится подписка на «Югру» в некоторых молодых городах — Радужном, Покачах, Пыть-Яхе, Лянторе.

Журнал еще мало известен в округе, и мы просим наших постоянных читателей содействовать его популяризации. Призываем в союзники и вас, уважаемые библиотекари школьных, сельских и поселковых библиотек, вы можете сделать благое дело, если постараетесь сблизить журнал и читателя, в особенности молодого.

Мы же, в свою очередь, сделаем все возможное, чтобы не обмануть ваших надежд. Мы намерены давать читателю более разнообразную информацию о культурной жизни округа, в особенности за счет расширения связей с селом и молодыми городами. Будут выпущены специальные номера, посвященные 400-летию Березова и Сургута и международному финно-угорскому фольклорному фестивалю. Готовится к изданию небольшая непериодическая «Библиотечка журнала «Югра». Книжки будут поступать в розничную продажу.

И, наконец, появились серьезные предпосылки для улучшения полиграфического качества журнала. «Югра» возвращается на родную землю и с апреля будет печататься не в Шадринске, а в Сургуте, на более совершенном оборудовании. Спасибо старому зауральскому городу Шадринску и объединению «Исеть» за предоставленную возможность издаваться!

Выписывайте и читайте «Югру», дорогие северяне! Наш индекс — 78716. Цена одного номера с июля — 24 руб., полугодовая подписка стоит 144 руб.

Редакция.

В. И. ВЕРНАДСКИЙ

(ИЗ ЗАПИСОК)

Так ли глуха эта жизнь, как она кажется? Так ли она бесформенна и случайно-бесцельна, как представляется? Так ли бессильна личность противиться уродливым проявлениям жизни, и не есть ли отсутствие ясного понимания и оглашения этой уродливости отдельными личностями самая основная причина и главная сила всех уродливых течений жизни?

Общество тем сильнее, чем оно более сознательно, чем более в нем места сознательной работе по сравнению с другим обществом. Всякий его поступок тем более правилен, т. е. находится в гармонии с «общим благом», с максимумом доступного нашей эпохе напряжения сознания в мировой жизни», чем ярче он является результатом работы большего числа людей, могущих мыслить. Когда есть ряд человеческих обществ, и в этих обществах, государствах, в одних широко дана возможность мыслящим единицам высказывать, обсуждать и слагать свое мнение — в других такая возможность доведена до м и н и м у м а — то первые общества гораздо сильнее и счастливее вторых обществ. Если же в первых, сверх того, необходимые коллективные поступки делаются на основании правильно составленного мнения лучших людей, а во вторых обществах на основании мнения случайного характера людей случайных — то сила первых обществ еще более увеличивается. В таком случае неизбежным образом для вторых обществ ставится на карту вопрос их существования, и жизнь в этих вторых обществах становится труднее и безобразнее. Между тем совершенствование первых обществ возможно лишь при охвате ими всех людей, живущих в условиях необходимости внешних сношений, и возможно лишь при необходимом усложнении всех сторон будничной жизни. Вследствие этого правильность коллективных поступков общин 2-го типа становится меньше, а следовательно, условия жизни входящих в их состав единиц с каждым годом все менее благоприятны. Жизнь человечества все более усложняется, сношения между людскими общинами увеличиваются, коллективные поступки других общин становятся все правильнее — а потому ошибочность в поступках общин 2-го типа увеличивается и ненормальность их устройства становится яснее и серьезнее. Это естественные враги.

В таком случае является необходимость найти исход из такого ненормального положения. Мыслимы три случая. Или такая община, или такое государство достаточно физически сильно и может направить данную силу дурно, т. е. противно людскому благу и интересам прогресса; или оно не может победить прочих государств и должно медленно или быстро разрушаться; или в нем достаточно людей с силой

Ильи Пророка. Так проходят «земные величия»... Похоронен был князь у алтаря сооруженной им церкви. Немногим более месяца пережила своего именитого родителя и княжна Мария Александровна, обрученная невеста императора Петра II. Давно уж нет ни могил тех, ни памятников, ни храма.

Не станем утомлять читателя и иными домыслами господина Дюма, ибо суд земной ни над ним, ни над Меншиковым давно не властен.

Мы позволили себе обратить внимание читателя на то, что бытующие и сегодня домыслы о Меншикове просто несостоятельны и тому немало подтверждений.

Немногие знают о том, что даже следственной комиссии по делу светлейшего так и не удалось доказать почти ничего, а «Манифест о винах князя Меншикова» даже его враги не рискнули опубликовать, испугавшись собственной лжи. В историческом исследовании, приведенном Н. И. Павленко в его книгах — «Александр Данилович Меншиков», «Полудержавный властелин», основательно развенчаны обывательские слухи, домыслы. Завершая повествование о светлейшем, Н. И. Павленко пишет: «Но в реальной жизни выдающейся личности привлекает прежде всего ее реальный вклад во славу России. Вклад его велик и потому потомки помнят имя Меншикова».

Да и грешно было бы на фоне сегодняшних «культурных преобразований» не вспомнить о заслугах Меншикова, следуя библейскому завету — «не судите да судимы не будете». Да, был и другой Меншиков. Суровый, властолюбивый, своекорыстный... Но ведь был и несомненно талантливый и отважный полководец, который умел не только строить крепости, но и брать самые неприступные из них. Многие умел светлейший. Строить верфи и железоделательные заводы, боевые корабли и величественные дворцы, радея душой и сердцем о могуществе и процветании России. За два с половиной года фактического правления Россией Меншиков упразднил монополию на торговлю пушминой, пенькой, солью, установил разумные налоги на владеющих землей, в т. ч. и на монастыри, не подписал ни одного смертного приговора...

Не на пустом месте родилась идея построить Александру Даниловичу памятник в Березове — там, где он по злой воле судьбы обрел последний приют...

Уже в то время мы понимали всю сложность и ответственность за задуманное. Экономические потрясения, нищета культуры на фоне политических страстей казались непреодолимыми.

Строить памятник в то время, когда ярость толпы сбрасывает с пьедесталов вчерашних кумиров — дело не совсем благодарное. Отчасти, наверное, правы и те, что упрекали нас в несвоевременности проекта. Последнюю попытку построить Меншикову памятник в Березове сделал тобольский губернатор, известный историк Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский в 1827 году. Интриги недоброжелателей, завистников помешали осуществить строительство, а в «послеоктябрьский период» об этом не могло быть и речи...

Наши предложения с порога отверг тогдашний министр обороны Язов, министерство культуры и многие иные власть предержащие. Первоначальный проект памятника, предложенный березовскому отделу культуры, был принят и устраивал относительно дешевой. Мы искали новые варианты, новые проекты, как и искали средства на памятник, т. к. хорошо понимали, что у властей казна пуста.

Ищите и найдете... Так начала сбываться еще одна библейская заповедь. Не остались равнодушными к идее сургутские газовики, строители. Свою деятельность мы оформили юридически, открыв счет для пожертвований на строительство памятника, создав историко-мемориальное общество «Князь Меншиков» в Сургуте. Начатое дело благословил настоятель Свято-Никольской церкви в Сургуте протоиерей отец Виктор. Власть в Березове дали официальное разрешение на строительство.

В Екатеринбурге мы нашли талантливых скульптора и архитектора, которые

и стали авторами проекта — А. Г. Антонся, выпускник начала 70-х годов Строгановского высшего училища и архитектор Н. А. Мамаев. Проект одобрил Эрнст Неизвестный, который в то время работал над памятником жертвам сталинских репрессий для Магадана.

Средства, собранные на памятник, в то время были немалыми и позволили заключить договор с полной предоплатой всего комплекса. Бронзовая скульптура Меншикова в расцвете сил и могущества в сочетании с гранитными архитектурными формами удачно определили судьбу проекта. Большой художественный совет утвердил его и начались работы.

Трудно было и предположить, что всего за два-три месяца от начала работ экономическая реформа в виде резкого подорожания всего и вся, налог на добавленную стоимость чуть не погубили задуманное. Не постеснялось Правительство обложить налогом и памятник. Расходы росли, опережая самые смелые предположения. Но и остановить проект было уже невозможно... И снова начались хождения по инстанциям в поисках средств, которые не завершились и сегодня, хотя и не потеряна надежда на достойное завершение работы. В средствах массовой информации мы регулярно освещали ход работ, проблемы.

К этому времени идея превратилась в большую межрегиональную программу. Консультантами ее стали Н. И. Павленко и директор филиала государственного Эрмитажа, музея «Дворец Меншикова» в Санкт-Петербурге Н. В. Калязина. Откликнулись на наши просьбы командующие Ленинградской и Калининградской военно-морскими базами, руководство высшего военно-морского училища им. Фрунзе, старший научный сотрудник Тобольского государственного музея-заповедника О. А. Задорожная, староста православной христианской общины в Березове М. С. Пестрякова, председатель поссовета И. Н. Башмаков, директор музея И. Д. Шабалина, журналисты березовской районной газеты (Н. Нагуманов, В. Белый, А. Грибанов), «Северного дома», «Сургутской трибуны».

Материальную поддержку проекту оказали руководители Сургутгазпрома, председатель профкома объединения В. П. Ивашкеев и многие другие.

25 июня 1992 года под проливным дождем в Березове была освящена восстановленная по архивным документам могила княжны Марии Александровны в Историческом сквере, рядом заложен фундамент памятника Александру Даниловичу. В основаниях обоих памятников установлены специальные контейнеры с землей, привезенной из Санкт-Петербурга и взятой с внутреннего двора дворца Меншиковых.

25 сентября 1992 года общество передало для постоянной экспозиции в дар Березовскому краеведческому музею копии исторических портретов из филиала Государственного Эрмитажа — музея «Дворец Меншикова» — императора Петра I, светлейшего князя А. Д. Меншикова, его дочерей Марии и Александры. Портреты изготовлены по заказу и на средства общества. Событие в практике работы Эрмитажа весьма редкое.

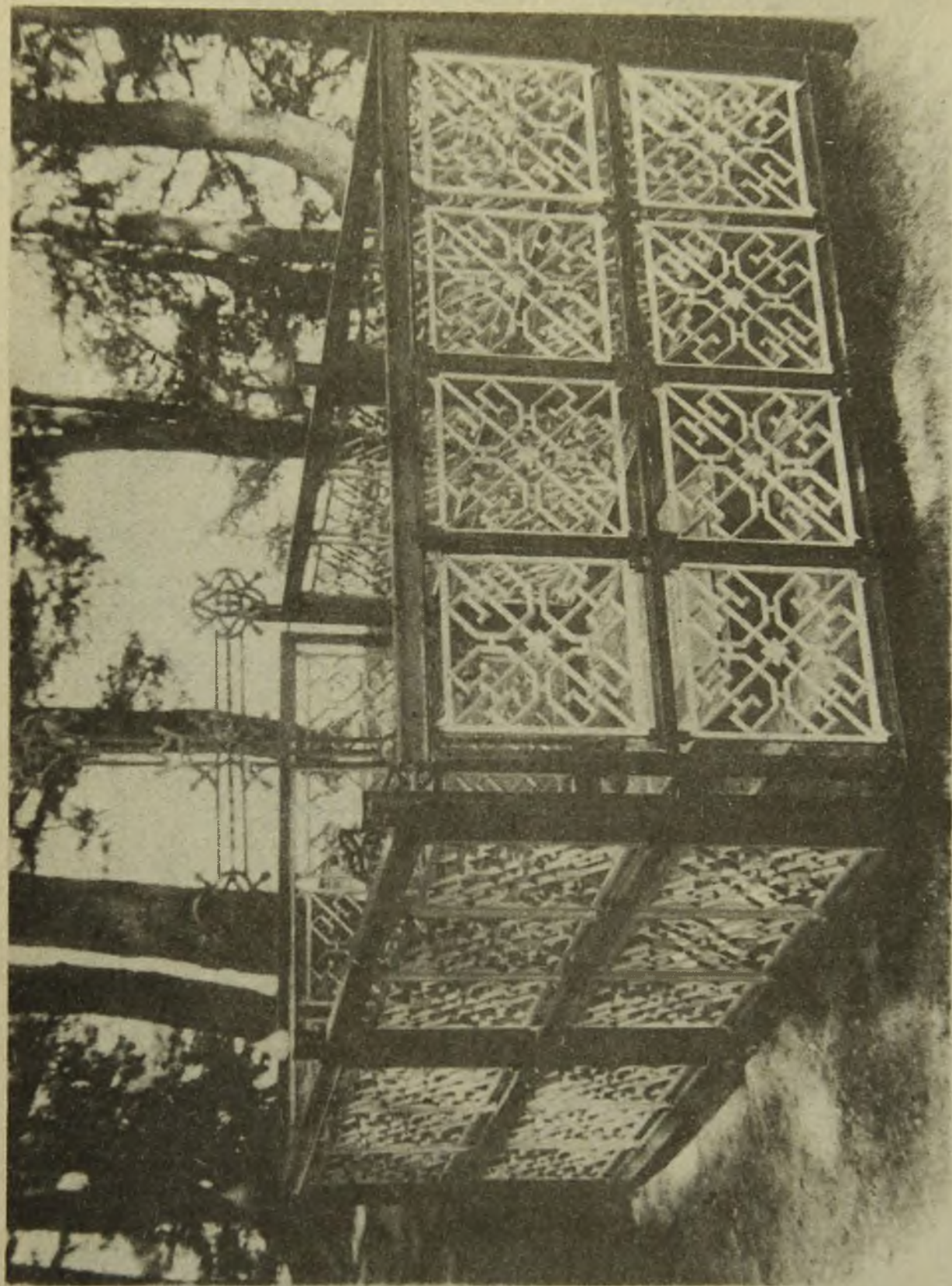
Работа над памятником в завершающей стадии. Хлопот, связанных с оплатой расходов, не уменьшилось...

Надо сказать и о том, что нарождающийся класс нефтяных предпринимателей от участия в помощи отказался. Не следует, видимо, обольщаться на этот счет. Иногда нам задают один и тот же вопрос: «А зачем вам все это надо?». Ответ известен давно: это надо нам всем, чтобы историческая память народа не угасла, а христианский долг потомков был выполнен сполна. Время рассудит всех нас — и тех кто был «за» и тех, кто был «против», но таких было немного... Видимо пришло то время, когда от пустых сетований о бедственном положении культуры надо переходить к конкретному делу. Культуру придется восстанавливать по капле, но всем миром.

Снова и снова приходится отвечать господину Дюма: «Вы, неправы, вы неправы...»



Скульптура памятника св. кн. А. Д. Меншикову.



Памятник М. А. Меншиковой, восстановленный 25 июня 1992 г.

НОВАЯ КНИГА О СЕВЕРНОЙ СОСЬВЕ

Более чем 3 года назад в окружные органы власти обратился житель с. Сосьва Березовского района Л. Т. Костин с предложением о разработке проекта организации комплексного хозяйства на территории Сосьвинского сельского совета. Хотя само предложение было воспринято положительно, но в Ханты-Мансийске в то время не нашлось ни сил, ни средств для его осуществления.

Совершенно неожиданно вызвался помочь известный в Тюменской области историк-этнограф А. В. Головнев. Возглавляемый им авторский коллектив в составе Е. П. Мартыновой, А. И. Пика, Е. В. Переваловой, Е. Г. Федоровой провел необходимые исследования и разработал проект, а НИИ возрождения обско-угорских народов помог изданию работы в г. Шадринске.

В книге, только в январе вышедшей в свет, рассматриваются вопросы исторического развития хозяйства, общественных отношений, культуры сосьвинских манси, анализируется современная ситуация и предлагаются пути дальнейшего социально-экономического и этнокультурного развития коренного населения Северной Сосьвы.

В рекомендациях по развитию хозяйства ученые предлагают ликвидацию ведомственных монополий на использование основных видов природных ресурсов — леса, земли, ее недр, фауны, в т. ч. и ихтиофауны, а также наделение Сосьвинского сельского совета статусом этноэкологического заповедника или этнической статусной территории (ЭСТ). В экономических правах здесь предлагается уравнивать как коренное, так и старожильческое население, ибо различные этнические группы сходны в главных хозяйственных ориентациях, а также дополняют друг друга в частных позициях.

Авторы проекта считают, что исторически сложившаяся традиционная структура общинных форм хозяйствования народов ханты и манси должна лечь в основу современного устройства общественного самоуправления: это самостоятельные объединения, поселковые и стойбищные общины, сельская община и совет ЭСТ. К самостоятельным объединениям следует отнести культовые союзы, хозяйственные (сезоннообразуемые) и коммерческие объединения. Поселковые и стойбищные общины — объединения на основе длительного совместного проживания и землепользования.

Сельская община, по мнению проектантов — это объединение одного или нескольких поселков, стойбищ. Основа такого объединения — общинная собственность на землю. Совет ЭСТ состоит из глав (представителей) сельских общин и является коллективным собственником земли, отведенной под ЭСТ. За правовую базу реализации проекта системы общественного самоуправления можно было бы на первом этапе считать Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе, хотя со временем потребуются разработка специального законопроекта, обеспечивающего условия сохранения народов Севера и их этнических культур.

Книга представляет несомненный интерес не только для специалистов-исследователей (краеведов, этнографов, социологов), но и для широкого круга читателей, всех интересующихся вопросами развития коренных народов Севера. Ее можно приобрести в научной библиотеке НИИ возрождения обско-угорских народов. А чтобы читатель имел некоторое представление о книге, публикуем в сокращении одну из ее глав.

Т. ХАРАМАЗИН,

кандидат экономических

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время остро встал вопрос о сохранении памятников культуры коренного населения, что вызвано ростом национального самосознания, интереса населения к своей собственной культуре. Разрушение этих памятников происходило в разное время и по разным причинам, степень их сохранности также различна. Первый удар по культовым объектам был нанесен во время христианизации, когда уничтожались священные места и изображения духов, в результате чего святилища были перенесены еще дальше в глубь тайги, неоднократно менялись их места, что было одной из причин миграций коренного населения. В меньшей степени были затронуты погребальные комплексы, влияние христианизации не коснулось некультовых объектов. Они продолжали развиваться естественным путем, конструктивные или технологические изменения отражали этнокультурные процессы, усовершенствование орудий труда.

Значительно более глубокие разрушения культурных традиций коренного населения произошли в советский период. В это время уже не просто уничтожались культовые объекты, но и физически истреблялись служители культа — хранители священных мест и шаманы, внедрялась совершенно новая идеология. Все это повлекло за собой не только исчезновение национальной культуры, но и деградацию населения. Аналогичные процессы происходили по всей стране. Отрицательную роль сыграло укрупнение населенных пунктов, которое также нарушило

естественный ход историко-культурных процессов.

Конкретные рекомендации по сохранению национальной культуры давать трудно, поскольку большую роль здесь играет и то, насколько коренное население сейчас в состоянии возродить свою культуру. Необходимо подчеркнуть, что это ни в коем случае не должно происходить насильственным путем, иначе результат будет противоположным желаемому. Тот интерес, который проявляется сейчас к духовной культуре, явно способствует не только сохранению, но и возрождению национальных традиций в этой области. Значительно сложнее обстоит дело с разукрупнением населенных пунктов, возрождением старых национальных поселков, уже практически исчезнувших. Проблема заключается в том, что в этом случае необходима очередная ломка сложившейся сравнительно недавно, но уже действующей, правда, далеко не всегда с положительным результатом, системы хозяйства. Перемещения населения, которые могут происходить в результате таких преобразований, должны быть тщательно подготовлены. Ускорение естественных процессов может привести к полному уничтожению национальной культуры.

В связи с тем, что заброшенные поселения, недействующие культовые объекты представляют большой исторический интерес, необходимы меры для их консервации, а также предоставление возможности специалистам провести тщательное обследование этих памятников, что будет большим вкладом в историческую науку. Кро-

ме того, определенную часть этих объектов можно будет возродить совместными усилиями специалистов и коренного населения.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С 1950-х годов шел процесс разрушения традиционной культуры манси, в немалой степени насильственное приобщение коренного населения к общесоветской культуре. Нужно сказать, что в определенных аспектах (транспорт, связь, снабжение товарами, медицинское обслуживание) этот процесс сыграл и положительную роль. С конца 1980-х годов намечается начало нового процесса, противоположного по своей сути. Резко возрастает интерес коренного населения к своей национальной культуре, что происходит в рамках своей страны.

Характерные для манси в прошлом сезонные поселения в настоящее время уже не имеют большого значения. Это вызвано, во-первых, исчезновением в связи с изменениями в хозяйстве и образе жизни необходимости переездов всей семьей в течение года, во-вторых, развитием транспортных средств, позволяющих быстро перемещаться на большие расстояния.

Процесс укрупнения населенных пунктов постепенно привел к почти полной ликвидации традиционных жилых построек и — частичной — хозяйственных сооружений манси, вызвал переход к новым, стандартным типам построек, характерных для данной местности, для всех проживающих здесь народов.

Непосредственно с хозяйственными занятиями связаны бытующие в настоящее время традиционные средства передвижения. Природные условия и образ жизни определили основное транспортное средство в летнее время. Это — лодка. Манси были известны

берестяные, долбленые и составные лодки. Существующий в наши дни последний тип лодок дает несколько вариантов конструкции и назначения.

Самый распространенный конструктивный вариант — так называемая калданка. Калданками пользуется все местное население во время рыбалки, охоты на гусей и уток. Изготовителями калданок являются в подавляющем большинстве манси — несколько мастеров среднего и пожилого возраста. Остальные жители покупают лодки у них. Другой вид составной лодки — так называемая печорская лодка, которая используется в основном для переездов и перевозки грузов. В недавнем прошлом бытовали большие лодки с дощатыми каютами, которыми пользовались для переездов всей семьей на большие расстояния, главным образом, для рыбалки в низовьях рек. Груз перевозится и на сдвоенных лодках — порах. В то же время, для переездов уже широко используются лодки типа «Казанка», «Обь», «Прогресс». Сейчас такие лодки есть практически в каждой семье так же, как и моторы «Вихрь» или «Ветерок». В последние годы все острее становится проблема приобретения таких лодок, моторов, мотонарт, а также проблема обеспечения населения бензином.

К настоящему времени не отпала необходимость иметь также лыжи. Современные мансийские лыжи по форме не отличаются от традиционных. У манси бытуют два вида лыж: подволоки и голицы. Изготовлением лыж занимаются мужчины. Русские охотники пользуются лыжами, также сделанными манси. Они считают их наиболее прочными и удобными.

Не исчезли из быта манси, да и не только манси, а всех занимающихся охотой, ручные нарты, на которых перевозят груз во время промысла. На таких же нартах возят дрова и воду. В зимний период для переездов и перевозки грузов манси широко используют лошадей. Считается, что санная езда на лошадях у народов Си-

бири возникла под влиянием русских. Есть сведения, что раньше лошадей запрягали в нарты, которые были больше приспособлены для езды по глубокому снегу и неровной дороге, чем русские сани.

С изготовлением средств передвижения тесно связан ряд традиционных занятий: обработка дерева, изготовление клея и т. п. Обработка дерева — это одно из древнейших занятий населения лесной зоны. Такие процессы, как раскалывание, долбление, сверление, считаются восходящими к эпохе неолита. В прошлом из дерева изготовлялись не только средства передвижения, но и многие предметы домашнего обихода, утвари. К ним относятся блюда, ковши, ложки, которые вырезались из одного куска дерева. Наконец, манси уже давно освоили технику строительства деревянных сооружений: жилых домов, хозяйственных построек. Обработка дерева — занятие, которое и в настоящее время не потеряло своего значения. (...)

Для сшивания лодок, при изготовлении ряда берестяных предметов и т. п. употребляется кедровый корень. Его заготавливают весной и осенью в лесу, там, где не пасутся коровы, которые разрушают корневище. Сначала корень расщепляют на две части, затем вымачивают в течение ночи в воде, после чего тупой стороной ножа или при помощи специального инструмента выжимают из корня воду. Ножом работают по направлению от себя. После такой обработки корни становятся эластичными. Хранят их свернутыми в пучки, перед употреблением еще раз мочат в воде.

Одним из древнейших занятий является обработка кости. Прежде среди манси были широко распространены различные костяные предметы: детали упряжи (блоки, пряжки, нащечники), мелкие охотничьи принадлежности (мерки для пороха), предметы домашнего обихода, накладки на мужские пояса. Сейчас это занятие у манси Сосьвинского сельсовета уже не имеет прежнего значения, способ же обра-

ботки кости остается прежним: предварительно вываренному материалу придают нужную форму с помощью ножа.

Для приклеивания меха к лыжам-подволокам, для скрепления деталей ряда предметов манси используют клей, сваренный из мелконарубленных оленьих рогов или чешуи рыб. Способы приготовления клея остаются прежними.

Еще одно традиционное занятие, сохранившееся до настоящего времени — перегонка смолы хвойных деревьев, продукт, который используется для смолки лодок.

Современная одежда сосьвинских манси представляет собой сочетание традиционных элементов костюма, сохранивших положительное значение до настоящего времени, и элементов городской одежды. Последняя приобретает уже некоторые национальные особенности: предметы, купленные в магазине, часто украшают аппликативным или мозаичным орнаментом, вышивкой бисером. Сохранение в настоящее время ряда элементов национальной мужской одежды объясняется, главным образом, тем, что продолжают сохраняться и основные хозяйственные занятия манси, которые и обусловили бытование наиболее удобных, проверенных на протяжении длительного времени, элементов костюма. Спецификой хозяйственной деятельности и природных условий объясняется и тот факт, что мансийской промысловой одеждой пользуются все, без исключения, охотники независимо от национальности.

О сохранении традиций свидетельствует тот факт, что национальная одежда еще бытует в качестве повседневной среди населения пожилого возраста (особенно среди женщин) и в качестве праздничной среди молодых манси и детей. Кроме того, молодые люди хранят одежду, которая досталась им после смерти родственников. Уменьшение степени бытования мансийской национальной женской одежды происходило прямо на глазах. Так, в 1976 г. многие женщины не только пожилого, но и среднего возраста в пос. Сосьва ходили в националь-

ных платьях. В 1991 г. эту одежду в пос. Сосьва можно было увидеть лишь в исключительных случаях и только у очень пожилых женщин. Все остальные уже полностью перешли на покупную повседневную одежду. Традиционная же одежда сохраняется только в небольших селениях (Ломбовож, Кимкья-суй). Одной из причин исчезновения национальной одежды из оленьего меха является невозможность получить необходимые для ее изготовления материалы — шкуры. Использование оленьей шкуры как основного материала для изготовления ряда предметов одежды вызвано тем, что до сих пор еще не найден (а, возможно, и не будет найден никогда) материал, который смог бы заменить олений мех по качеству и подошел бы для суровых условий Севера. То же относится и к покрою национальной одежды. Недаром промысловая одежда манси распространилась и среди населения других национальностей.

В связи с изготовлением одежды нужно сказать и о таком занятии, как обработка шкур. Оно традиционно для манси, и его удельный вес еще достаточно велик в сравнительно недавнее время. Шкуры крупных копытных животных и, частично, пушных зверей с давних пор используют в быту манси. Первые шли на изготовление одежды, обуви, покрышек для чума, мешков для хранения вещей. Из них же делалась и ровдуга, из которой шили обувь, изготавливали детали различных предметов домашнего обихода (мешков, колыбелей и т. п.). Шкуры пушных зверей также использовались при шитье одежды (в качестве подклада или отделки). Способы обработки шкур, а также инструменты, которыми пользуются при этом, остаются практически без изменений уже на протяжении очень длительного времени, некоторые из них сложились уже, возможно, не одно столетие назад. Что касается пушнины, добываемой охотниками для продажи государству, то ее первичная обработка (до сдачи заготовителю) состоит в обезжиривании и просушивании на специальных пнях. Дальнейшая обработка пушнины в случае ис-

пользования ее самими манси, производится только руками. Разминают до тех пор, пока шкурка не станет мягкой.

При шитье вещей из меха, грубых тканей, для скрепления предметов из различных материалов применяются сухожильные нитки. На них идут олени или лосиные сухожилия. Из оленьих получают более тонкие нитки. В прошлом манси был известен способ сучения ниток на бедре. Сейчас, насколько можно судить по имеющейся информации, существует два способа: нитки скручиваются на щеке или на левой ладони.

Не сохраняет своего былого значения и такое характерное для всех народов таежной зоны занятие, как обработка бересты. До недавнего времени в быту манси широко применялись предметы, сделанные полностью или частично из этого материала. Это покрытия для летних жилищ, посуда самой разнообразной формы и назначения, колыбели и др. Сейчас береста идет, главным образом, на изготовление утвари для сбора ягод, а также колыбелей. В связи с массовым исчезновением берестяных предметов исчезает и орнаментальное искусство манси — один из существенных элементов их национальной культуры.

К настоящему времени практически утрачены такие виды домашнего производства манси, как обработка рыбьих кож, крапивы, плетение, оловянное литье. Продолжают сохраняться только те виды занятий, которые связаны с изготовлением бытовых в настоящее время орудий труда, предметов одежды и домашнего обихода, средств передвижения.

1980-е годы — период, который можно связать с наиболее существенными изменениями в пищевом рационе манси, для которого было характерно употребление рыбы, мяса, дичи, ягод. Это связано не только с истощением природных ресурсов. Немаловажную роль в этом процессе сыграла система воспитания и проживания детей в интернатах, которая постепенно, в силу ряда причин, привела к полной ликвидации традиций питания. Приходилось видеть детей 12—15 лет,

которые не знают названия тех рыб, что водятся в местных реках, а традиционной рыбной пище предпочитают супы из пакетов или маринованные помидоры. В последние годы в связи с ухудшением ситуации с продовольствием в стране в целом, положение еще более усугубилось. Ограничивается потребление тех покупных продуктов, которые уже не одно десятилетие известны манси. Это связано не только с тем, что они поступают в недостаточном количестве, но и с кризисным состоянием транспорта на местах, что иногда не позволяет вовремя завозить продукты. Ухудшается и работа местных хлебопекарен, а значит и качество хлеба.

Чрезвычайно разнообразна традиционная мансийская утварь, связанная с приготовлением и хранением пищи. У манси существовал сложившийся на протяжении длительного времени определенный комплекс предметов утвари, наиболее удобных в данных географических условиях при данном образе жизни. Этот комплекс в общих чертах продолжал сохраняться до конца 50-х годов. Затем традиционная утварь быстро вышла из употребления. Это связано с тем, что район до недавнего времени неплохо снабжался фабричной посудой. Основной же причиной явилось изменение образа жизни манси, условий приготовления пищи в помещениях, в результате чего отпала необходимость во многих предметах традиционной утвари. Вместе с тем, и сейчас продолжает бытовать то, что незаменимо в быту промысловиков, жителей мелких населенных пунктов.

Подводя итоги, нужно сказать, что в настоящее время наблюдается тенденция к исчезновению многих элементов традиционной национальной культуры манси, бытовавших еще в сравнительно недавнее время. Вместе с тем, ряд традиционных предметов, обусловленных хозяйственно-экономической спецификой, остается без существенных изменений, и, видимо, будет сохраняться еще в течение длительного времени на данной территории. Продолжает сохраняться традиционная направленность основных

и вспомогательных занятий манси. Важным является то, что при современном хозяйствовании используются исторически сложившиеся навыки и производственный опыт коренного населения. Сохранение некоторых видов домашнего производства вызвано необходимостью изготовления ряда предметов быта, незаменимых и в настоящее время. Использование традиционных средств передвижения также связано со спецификой природных условий и сохранением основных хозяйственных занятий. Этим же обусловлено и бытование временных жилых построек. Сохранение многих деталей традиционной мансийской одежды объясняется, во-первых, ее приспособленностью к местным климатическим условиям, во-вторых, незаменимостью некоторых ее элементов в быту промысловиков. Кроме того, ряд элементов мансийской культуры, не обусловленных хозяйственными или экологическими особенностями, продолжает бытовать в силу стойкости национальной традиции.

Мансийская национальная культура занимает достойное место в ряду культур народов мира. Она формировалась в течение длительного времени на базе культур основных этнических компонентов (уральских охотников и рыболовов и угров-кочевников) с последующим включением и осмыслением иноэтнических культурных элементов. Естественный процесс ее развития был нарушен в результате ошибок в государственной экономической и национальной политике в 1930-е—1980-е годы.

Можно сказать, что в настоящее время мы наблюдаем начало нового процесса в развитии национальной культуры манси. В первую очередь это касается этнического самосознания и появления интереса к своей национальной культуре. Сложность нового процесса может заключаться в очередных перегибах, которые имеют место в тех случаях, когда инициатива перемещается сверху. Сосьвинским сельсоветом имеет свои преимущества в том, что инициатива возрождения идет не только сверху, но и снизу.

ВЫПИСЫВАЙТЕ ЖУРНАЛ «ЮГРА»!

СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на газету
журнал (индекс издания)

Югра
 (наименование издания)

Количество комплектов:

на 19 94 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому
 (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

п в	место	на	<u>газету</u> журнал		(индекс издания)
Югра (наименование издания)					

Стоимость	подписки	_____ руб. _____ коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	— руб. _____ коп.	

на 19 94 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

При заполнении абонемента и доставочной карточки не забудьте:

а) отметить номера месяцев, в которые Вы хотели бы получить журнал (значком «х» в пустой клетке под соответствующим месяцем).

б) указать стоимость подписки (на 6 месяцев — 144 рубля, на 3 месяца — 72 рубля, на месяц — 24 рубля).

Подписка принимается только на полугодие.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

ИНТЕРЕС К ПРОШЛОМУ

Европейская культура, история ближе нам, северянам, чем наша собственная. Инородные мы, нет у нас основы. А основа эта — история своего народа, своего края.

Если бы я была «богом» в образовании, то сейчас же приступила бы к созданию предмета «История Отечества», и на первое место поставила изучение каждым своей родословной. По программе первоклассники должны бы знать «Я» и своих родителей, а к одиннадцатому классу — весь свой род до глубоких корней, 10—15 колена. На второе место — изучение края, его людей и т. д. А вся история России должна прилагаться к изучению родного, своего.

По опыту могу сказать, что рычаг в познании истории — любопытство. Только надо овладеть научным подходом, чтобы этот интерес оставался до конца дней. Ведь раньше многое делалось в школе по краеведению, но большей частью отрывочно, под знаком «надо»: к такому-то сроку написать о герое, городе, восстании и т. д., сдать в Дом пионеров. В общем, делали, отчитывались. И дети, как правило не поощрялись, выполнил задание и все. А руководили чаще учителя, сами не знающие темы — лишь бы сдать и не быть в списке должников.

Если бы я была все тем же «богом» или хотя бы имела свою школу, то пригласила бы вести этот предмет за самые большие деньги специалиста — актера, писателя, столяра, нумизмата, не обязательно педагога.

г. Нижневартовск.

О. МАЙОРОВА,
учитель истории.

ХЛЕБОПАШЕСТВО НА ЗЕМЛЕ ЮГОРСКОЙ

А. ИВАНЕНКО,
доцент Тюменского
сельскохозяйственного института,
кандидат сельскохозяйственных наук

Хлеб как продукт питания теперь обычен и привычен на столе и коренных, и пришлых жителей Югории. Без хлеба любая еда — не еда. Но так стало сравнительно—исторически—недавно, каких-нибудь 300—350 лет назад. До этого «югорские люди» хлеба практически не знали, хлебных растений — ржи, пшеницы, ячменя, овса, гречихи — не выращивали, хотя, конечно, растительная пища была у них на столе: разные таежные ягоды, травы, орехи кедровые и др.

НАЧАЛО — В ГЛУБИНЕ ВЕКОВ

Однако археологи, изучавшие Зауралье, считают, что в низовьях Иртыша, от современного Тобольска до Ханты-Мансийска, люди могли заниматься хлебопашеством, выращиванием зерновых сельскохозяйственных растений еще в конце I тысячелетия до нашей эры. Пока прямых свидетельств этому нет, но есть основания для косвенных выводов, тем более, что рядом, в районе Тобольска, примерно в это время существовала потчевашская культура с явными следами земледелия.

Этнограф П. Инфантьев в начале XX века описал погребальный обряд у нижнеиртышских вогулов (манси), в ходе которого после похорон пол жилища посыпали ячменем «в знак того, что здесь благоденствие и изобилие плодов земных и стало быть смерти здесь делать нечего». Археолог М. Ф. Косарев считал, что «ритуал, характеризующий ячмень как жизненное благо, уходит в глубокую древность и отражает реальную значимость земледелия у таежного западно-сибирского населения в далеком прошлом».

«ВОГУЛЬСКИЙ ХЛЕБ»

Ко времени прихода русских в Северное Зауралье в конце XVI века манси занимались земледелием в незначительных масштабах только на р. Тавде, что значительно южнее Прииртышья. Этот факт отмечен в Сибирских летописях, на которые ссылался первый историк Сибири Г. Ф. Миллер: вогулы на р. Тавде еще за 40—50 лет до основания Пелымского города (1593 г.) «пахали на себя хлеб». Сеяли манси скороспелые хлеба: ячмень, пленчатую пшеницу полбу, а чаще их смеси. Это зерно русские называли «вогульским хлебом». Ермак во время тавдинского похода «у таборинцев и кошуков, занимавшихся земледелием, взял вместо ясака хлеба... и в последующее время они платили ясак хлебом».

Историк С. В. Бахрушин сообщал, что «в Туринском уезде еще до прибытия русских у вогуличей, которые жили с Епанчѳей, были пашенные земли... в начале

XVII века в окрестностях города (речь идет о Туринске. — А. И.) из 14 вогульских юртов было 12 пашенных. Потому в 1603 г. у русских возникла даже мысль снять ясак с туземцев... и обязать их «пахать на пашне». В 1628-1629 гг. в Пелымском уезде... в Таборах 70 вогуличей «сидело на пашне».

На остальной территории Югории хлебопашества не было. В исследовании о постройке Сургута историк П. Н. Буцинский приводит челобитную сургутских остяков царю, где говорилось: «кроме рыбных запасов у нас, сирот твоих, иных никаких нет; место у нас бедное, хлеба не пашем и скота нет никакого».

ОПЫТЫ И ПРАКТИКА

Если предки нынешних манси и хантов прежде могли запросто обходиться без хлеба, то выросшие на хлебе русские без него в Сибири жить не могли. Хлеб в виде муки, крупы, толокна везли из-за Урала. Дорого это было. И российские цари, начиная с Федора Иоанновича, предписывали воеводам сибирских городов заводить свое хлебопашество на месте. В Южном Зауралье это скоро удалось. Пробовали пахать хлеб и в более северных местах: в 1593 г. построили Пелым и у его стен завели пашню, в 1636 г. построили Самаровский ям (постоялый двор на тракте Тюмень-Сургут) и тут для опыта пробовали сеять, но потерпели неудачу. В документах, относящихся к постройке городов Сургута и Березова (1593 г.) нет сведений о попытках хлебопашества у их стен, но, несомненно они были, после чего эти города отнесли к «неклубным», а их жители получали «хлебное жалованье» и специально деньги на покупку круп и толокна на рынке.

Однако попытки вырастить свой хлеб на Нижнем Иртыше упорно продолжались и они уже в XVIII веке увенчались успехом. Тобольский историк П. А. Словоцов писал, что в 1767 г. здесь «было засеяно хлебом озимым 8692, яровым 6913 десятин». Хлеб сеяли в Леушинской волости на Конде, в Самарово он занимал 49 десятин, в Сургутском ведомстве хоть и не было приличных для пашни мест, но небольшие участки засеивались ячменем.

Таким образом, в середине XVIII века на Конде и Средней Оби уже сеяли хлебные культуры: рожь озимую, яровую пшеницу, ячмень.

СВЯЩЕННИКИ... С СОХОЙ

Среди первых хлебопашцев на Оби ниже Самарово, несомненно, были монахи Кондинского монастыря, построенного в 1656 г. в центре Югорской земли в с. Кодском — теперь пос. Октябрьское. Монахи быстро освоились на новом месте и нашли пригодные для хлебопашества земли у левого берега Оби на обширном острове, отделенном от материка Алёшкинской протокой. Известный знаток истории Югорской земли, долго живший в Берёзово Н. А. Абрамов в одной из своих статей приводил выписки из монастырских хозяйственных книг, где отмечалось наличие в 1683 и 1684 годах «с монастырской собственной пашни ржи 40, овса 20, ячменю 12 четей», монастырь имел свою мельницу, видимо, первую и тогда единственную в Югории. Местное хлебопашество было, видимо, не совсем надежным, и монахи изобрели прием, который и теперь применяют многие северные предприятия: они завели себе вотчину (по-нынешнему, подсобное хозяйство) на юге губернии, на р. Исети, где до сих пор сохранилось большое село Кодское (теперь это территория Шатровского района Курганской области).

На Средней Оби пионерами и энтузиастами хлебопашества были православные священники: в Сургуте — Василий Кайдалов, в селе Юганском — Иван Тверитин. В 1851 г. В. Кайдалов успешно вырастил ячмень, овёс, коноплю, за что получил благодарность от Русского Географического общества (РГО), а в 1861 г. — золотую медаль Вольного Экономического общества (ВЭО). По его примеру под Сургутом с 1853 г. успешно занимался хлебопашеством есаул Невзоров: он получал урожай овса сам-6, ячменя — сам-6,5 (тогда урожай считали в «самах»: во сколько раз урожай превышал количество высеванных семян). ВЭО наградило его Большой Серебряной медалью.

И. Я. Тверитин в с. Юганском приобщал местных хантов к христианству, хорошо знал их тяжелую жизнь и считал, что хлебопашество было бы им хорошей подмогой в жизни, позволило бы иметь свой хлеб, так как привозная мука с каждым годом дорожала. Свои опыты отец Иван начал в 1854 г. с посева ячменя. Урожай был хорош, и к следующей весне он расчистил полдесятины леса и посеял, кроме ячменя, овёс, гречиху, пшеницу, рожь — всего 6 пудов (100 кг), а получил чистого зерна 120 пудов (2000 кг) — замечательный урожай в сам-20! ВЭО наградило о. Ивана Большой Серебряной медалью, а генерал-губернатор Западной Сибири объявил ему благодарность.

Отец Иван занимался хлебопашеством около 20 лет. Он нанял работников, построил мельницу, расширил пашню. Выявив преимущество озимой ржи перед яровыми хлебами, он сеял в основном ее и получал урожай зерна от сам-8 до сам-20. О своих опытах о. Иван вёл подробные записи, отчёты посылал в РГО и ВЭО, где они сохранились в архивах. Для благодарной озимой ржи он разработал подробную агротехнику: сроки и способы посева, удобрение, нормы высева и другие элементы.

И. Я. Тверитин работал на своей таёжной пашне до 1875 г., пока мог держать соху в руках. За это время он получил 6 серебряных и бронзовых медалей от крупных научных обществ России: уже упоминавшихся РГО, ВЭО, а также от Казанского экономического общества и Московского общества сельского хозяйства, участвовал в трёх Всероссийских выставках: 1860, 1864 и 1872 гг.

К сожалению, пример отца Ивана не был поддержан односельчанами, хотя некоторое время несколько семей с Юганского имели свои пашни и сеяли хлеб. Вскоре пашни были заброшены.

НА ГРАНИ ВЕКОВ

В конце прошлого века было несколько попыток сеять хлебные растения в предгорьях Северного Урала на р. Северной Сосьве. В сёлах Сосьвинском и Саранпауле молодой путешественник К. Д. Носилов сеял зерновые хлеба и овощи. Он так изложил суть своих опытов: «я имел в виду определить, возможно ли в этих градусах северной широты организовать хлебопашество и огородничество, что, кроме научного интереса в случае благоприятных результатов, может служить поддержкой и первым шагом к культуре инородцев этого края — маньсов [вогул], которые... от материальной нужды стали вырождаться». О результатах своих успешных опытов К. Носилов сделал доклад на заседании Вольного Экономического общества, который был опубликован в 1885 г. в «Трудах» ВЭО.

В 1887—1888 г. в Тобольском уезде работал экономист С. К. Патканов, изучавший состояние местного населения. Он издал несколько томов своих наблюдений о жизни государственных крестьян и «инородцев» на р. Конде. По его сведениям, хлеб сеяли только в четырёх селениях: Таёжном, Юмасинском, Тулинском и Леушинском. Хлебопашеством занимались только зажиточные «инородцы», но и то в небольших размерах: на один пашущий двор приходилось 0,6 десятины пашни, а для самообеспечения хлебом надо засеять не менее 1,34 десятины. Население обычно покупало хлеб в Тобольском и Тарском округах или в Туринском округе, привозя по Гаринскому пути зимой через болота. Чаще обходились без денег, обменивая на хлеб рыбу и бруснику.

В самом начале XX века на Конде побывал известный исследователь Тобольского севера А. А. Дуин-Горкавич. Он отметил, что в с. Нахрачинском (теперь пос. Кондинское) «жители... земледелием почти не занимаются... лет 10 назад была сделана первая попытка хлебопашества в с. Болчаровском остяком В. М. Ениным в сообществе с другим инородцем. Хлеб вызрел вполне, но опыт посева не возобновлялся... В селе Леушинском несколько домохозяев сеют хлеб — рожь, ячмень, овес. Урожай овса бывает сам—6, ячменя—сам—7, ржи—сам—9-10».

По статистическим данным, в 1913 г. на территории современного Ханты-Мансийского округа под всякими посевами было занято около 300 гектаров земли.

Первые сведения о состоянии хлебопашества в Югории после 1917 г. относятся к 1925—1926 гг., когда была проведена так называемая Полярная перепись. В 1925 г. здесь было 469 га посевов всех культур, причем две трети посевов было в Кондинском и Самаровском районах, в Ларьякском их не было вовсе.

В этом же 1925 г. работник Уралплана Л. Р. Шульц детально обследовал Кондинский район и опубликовал о нём подробный очерк в журнале «Урал». Он сообщал, что в селениях Корп, Юмас, Сотник, Запор, Леуши зажиточная часть жителей более или менее обеспечена своим хлебом. Особенно плодородны почвы в Леушинском сельсовете, где есть возможность освоить новые земли под пашню до 30—40 тысяч десятин. В селении Корп имелась единственная в районе ветряная мельница.

ПОДЪЕМ ТАЁЖНОЙ ЦЕЛИНЫ

Более быстро пошло развитие земледелия после организации в декабре 1930 г. Ханты-Мансийского национального округа. Была создана окружная администрация, в том числе земельный отдел окрисполкома, окрплан, которые занимались вопросами расширения посевных площадей, в том числе и под зерновыми культурами. Кроме того, эти вопросы пристально «курировали» окружной и областной комитеты ВКП(б).

Если в 1929 г. посевная площадь составляла 544 гектара, то в 1932 г. она достигла 4093 гектаров, через 5 лет — 9726 гектаров, а в 1940 г. — уже 11561! Прирост площадей посева чрезвычайно высок: к уровню 1929 г. пашня в 1932 г. увеличилась в 7,5 раз, в 1937 г. — в 18 раз, в 1940 г. — в 21 раз!.. Темпы поистине фантастические! Таких темпов не знала даже целинная эпопея 60-х годов в Казахстане.

Что случилось! Ведь и ранее была здесь агитация за развитие земледелия, но рыболовецкое и охотничье население Югории не очень-то торопилось отвечать делом на агитацию. Почему вдруг оно воспыало интересом к земле!..

Вообще-то местное население здесь было почти ни при чём. Манси, ханты, старожильческое русское население продолжало ловить рыбу и охотиться на зверя. Корчевали тайгу и поднимали таёжную целину «спецпереселенцы» из Европейской России и южных областей Зауралья, а также из других мест. В 1929—1930 гг. в зернопроизводящих районах Союза ССР началась коллективизация, а с нею и реализация сталинского призыва ликвидации кулачества как класса. На Тобольский Север в 1930—1932 гг. прислали около 37 400 раскулаченных крестьян, из них 11 400 человек направили в сельское хозяйство округа. Много это или мало! По отчёту 1934 г., в округе было всего населения 79,1 тыс. чел., в том числе основного 55,8 тыс. чел., трудпереселенцев 23,3 тыс. чел. Получается, что чуть ли не каждый второй житель округа был «спецпереселенцем», ссыльным.

Спецпереселенцы вручную корчевали тайгу на берегах Оби и Иртыша и ставили новые посёлки. Тогда-то и появились на прежде пустынных берегах новые поселения, заметно расширились прежние крошечные выселки и заимки Банное, Высокий и Чёрный Мысы, Песчаный, Погорельск, Кедровый, Каменный и др. Только в Самаровском районе появились «посёлки колонистов» Ярки, Добрينو, Черёмуховский, Луговой, Нялина, Кедровый, Горный, Урманый, Каменный, где поселили 982 семьи переселенцев. В 1934 г. на раскорчёвке леса под пашню в округе работало 14,2 тысячи человек.

Основная часть вновь осваиваемых земель отводилась под зерновые культуры, которые сеяли даже в самом северном Берёзовском районе округа. Приспособленных к местным условиям сортов не было, селекция их в округе не велась, потому сеяли инорайонные сорта. Часто они не успевали дозреть до полной спелости и их приходилось убирать не на зерно, а на сено. Урожайность была низкая, но тогда, в 30-е годы, и на юге области урожаи были невысокими. В среднем по округу в 1932 г. намолотили по 6,5 ц с гектара, в 1933 г. — по 10,1, в 1936 г. — по 11,0 ц с гектара.

Однако были и высокоурожайные годы, когда к усилиям людей добавлялись благоприятные сочетания природных условий. Одним из таких был 1939 год, когда на бедных таёжных почвах получили небывало высокие урожаи зерна в разных районах округа. В качестве примера можно назвать колхоз деревни Фролы, получивший урожай со всех полей 19 ц с гектара, а озимой ржи по 28 ц с гектара. Этот колхоз был участником Всесоюзной Сельскохозяйственной выставки в Москве в 1939 и 1940 годах за высокие и стабильные урожаи. Здесь в 1939 г. впервые посеяли озимую пшеницу и получили по 39 ц зерна с гектара. Колхоз д. Широково собрал зерна ржи по 22 ц с гектара, овса по 23, ячменя по 15,4 ц с гектара.

17 марта 1940 г. в Новосибирске состоялось совещание передовиков сельского хозяйства Сибири, где с докладом «За новый подъём социалистического земледелия» выступил А. А. Андреев, член правительства. Была поставлена задача добиться в Сибири 100-пудовых урожаев (16 ц с га). Вскоре вторая сессия окружного Совета депутатов трудящихся и второй пленум окружкома ВКП(б) поставили перед советскими, партийными и земельными органами, а также перед всеми колхозами округа задачу добиться в ближайшие годы превращения сельского хозяйства округа из потребляющего в производящее. Сделать это надо было за счёт освоения новых земель, повышения урожайности, применения лучших правил агротехники.

В округе началась борьба за получение 100-пудового урожая зерновых. Колхозы стали заключать договора о социалистическом соревновании за высокую урожайность. Уже весной 1940 г. было сделано очень многое для улучшения агротехники зерновых, к тому же опять помогла северная природа и урожай получился не хуже, чем в 1939 г. Уже упоминавшийся передовой колхоз д. Фролы собрал по 20,7 ц зерна с гектара, колхоз с. Большой Атлым — по 20,5 ц овса, д. Яганогурт — по 22,5 ц овса и по 25,3 ц ячменя, в Берёзовском районе колхоз д. Няксимволь намолотил по 22,7 ц ржи с гектара. Конечно, это рекорды, но и средний урожай был весьма неплохой для северных полей, совсем недавно вышедших из-под вековой тайги.

Два урожайных года способствовали тому, что в 1940 г. округ за счёт собственного производства уменьшил завоз извне более чем на 302 тыс. пудов (50 300 ц) хлеба, сэкономив только на одних перевозках 3 млн. 557 тыс. рублей государственных средств. К концу этого года в округе было в работе 19 мельниц простого помола, работала мельница вальцевая на 3000 т зерна в год и в Леушах достраивалась такая же на 2000 т.

Научные основы таёжного земледелия разрабатывали и внедряли в производство сотрудники первых научных учреждений округа: Берёзовской сельскохозяйственной опытной станции, Ханты-Мансийского и Кондинского опорных сельскохозяйственных пунктов и Самаровского сортоиспытательного участка.

ВОЕННЫЙ ХЛЕБ

В годы Великой Отечественной войны население округа находилось на самообеспечении, так как завоза продуктов питания с «Большой земли» практически не было. Руководство округа принимало всевозможные усилия, чтобы не допустить гибели населения от голода. Конечно, крепко помогала рыба — традиционный продукт питания основной массы народа округа, но нужен был и хлеб. И его добывали всеми силами колхозного крестьянства, несмотря на то, что почти все тракторы были мобилизованы на фронт, самые здоровые мужчины ушли туда же.

Большое внимание уделялось освоению новых земель: их за годы войны поднято было более 4 тыс. га. Увеличивались посевы всех зерновых культур, и в 1945 г. их посеяли на 10,6 тыс. га. Правда, урожай резко упал из-за нарушения правил агротехники, отсутствия удобрений и хороших семян: если в 1942 г. средний урожай зерновых ещё был на уровне 7,8 ц с гектара, то в 1945 г. снизился до 4,9 ц.

В годы войны для округа не было установлено обязательных планов сдачи зерна государству, или, как говорили, «в закрома Родины», но хлеб туда поступал в виде возврата семенных ссуд, гарнцевого сбора за помол зерна, натуроплаты за работу МТС, а также поступлений в хлебный фонд Красной Армии. В этот фонд с каждого гектара посевов отчислялось строго определённое количество зерна, дифференцированное по районам и годам и составляло 12—17% ожидавшегося урожая. Например, в 1944 г. в фонд Красной Армии отчислялось в Сургутском районе по 0,9 ц зерна с гектара, в Кондинском—1,18, Ларьякском—1,8 ц с гектара. Зерно в хлебный фонд Красной Армии собирали с урожая 1941 по урожай 1945 г. включительно.

Время было военное, и выполнение плана поступления хлеба в фонд армии было первейшей обязанностью колхозов. По обычаям того времени, принимались социалистические обязательства по досрочному его выполнению и перевыполнению. Например, в 1944 г. округ должен был сдать в фонд армии 1000 ц зерна. Включившись в предоктябрьское соцсоревнование, окружное руководство перед обкомом партии взяло обязательство дать сверх плана 1700 ц хлеба в этот фонд. Наступило 5 октября, до срока оставался месяц, а план был выполнен всего на 37%. Папки Ханты-Мансийского архива хранят документы, из которых виден накал страстей вокруг вопроса выполнения и перевыполнения обязательства: грозные телеграммы из области перемежаются телеграммами из округа на места и бланками ежедневной отчетности о поступлении зерна на сыпные пункты. Члены бюро райкомов и райисполкомов срочно командировались в колхозы, там проводятся собрания с принятием конкретных обязательств по сверхплановой сдаче хлеба к 5 ноября. И к этой дате соцобязательства были выполнены на 113%!..

В военные годы все колхозы, в том числе рыбацкие артели, имели посевы зерновых культур и картофеля. Это было необходимо не только для выполнения заданий военного времени, но и для выживания самих колхозников и членов артелей.

Последний военный план поступления зерна в округе, определённый в 15 697 ц, был выполнен на 107,2%.

СЕЯТЬ!.. НЕ СЕЯТЬ!..

В первые послевоенные годы зерновому производству в округе ещё уделяли значительное внимание: пытались расширить площади посева, увеличить урожайность. После сентябрьского [1953 г.] пленума ЦК КПСС, принявшего большую программу преобразования сельского хозяйства, в округе были разработаны мероприятия по выполнению решений пленума в местных условиях. 9 марта 1954 г. газеты опубликовали постановление ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». А вскоре, в день открытия XII съезда ВЛКСМ, в дом культуры Ханты-Мансийска состоялось комсомольское собрание для проводов тех, кто изъявил желание уехать в МТС и колхозы округа на подъем

местных целинных и залежных земель. Было принято обращение к молодёжи округа, где говорилось: «Целинные и залежные земли есть и в нашем Ханты-Мансийском округе. Вокруг отстроенных за последние годы поселков селящегося национального населения должны быть разработаны немалые площади под огороды и поля...»

Однако второго подъёма таёжной целины не получилось, что и отметила статистика: в 1953 г. посевная площадь в округе составила 10,5 тыс. га, в 1955 г. она увеличилась всего на ... 100 гектаров. Под зерновыми культурами в 1953 г. было занято 6,3 тыс. га, в 1955 г. прибавилось всего 400 гектаров. К 1958 г. посевы под зерновыми сократились вдвое, а в 1968 г. была посеяна последняя тысяча гектаров зерновых с целью получения зерна.

Итак, в 1969 г. хлебопашество на Югорской земле, пройдя длительный путь поисков, неудач и достижений, успешно... закончилось. В дальнейшем зерновые культуры — в основном овёс — высевались только на кормовые цели для получения сена или зелёного корма.

Почему прекратилось таёжное хлебопашество! Кстати, оно закончилось в 60-е годы по всему северу России, не только в земле ханты и манси.

Как ни странно, конец хлебопашества был вызван и ускорен успехами в развитии промышленности и транспорта как в самом округе, так и в сопредельных территориях. Зерно и продукты его переработки — весьма долговечны и транспортабельны. Постройка железной дороги к Лабитнангам в 1952 г., а позже к Тобольску и Сергину на Оби, техническое перевооружение речного флота Обь-Иртышского бассейна способствовали снижению стоимости перевозок хлебопродуктов на тюменский север. Привозной хлеб был значительно дешевле выращенного на месте и несравненно лучше по качеству.

Открытие нефтяных месторождений в Приобье вызвало повальный отток рабочей силы из сельскохозяйственных отраслей, в новые города съехали десятки деревень и сёл, где прежде растили хлеб.

Окружные власти всесторонне обсуждали сложившуюся ситуацию: что делать — сеять зерновые культуры или не сеять! Жизнь показала: дешевле — не сеять. Освобожденные земли были отданы под посев кормовых культур для бурно развивающегося животноводства: растущие города требовали скоропортящейся нетранспортабельной продукции — молока и молочных продуктов.

«ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ», ИЛИ ПОСЛЕДУЕТ ЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ!

А теперь, читатель, взгляни на карту мира или на глобус — что есть под рукой. Видишь, Югорская земля — Ханты-Мансийский округ — лежит между 59 и 65 градусами северной широты! А теперь переведи взгляд на восток: Аляска, штат США, расположен толь в толь в этих широтах. И несмотря на развитой транспорт фермеры Аляски не возят к себе кормовое зерно с юга, а выращивают у себя в достаточном количестве, да ещё нередко экспортируют в страны Азии, создавая конкуренцию южным штатам. А ведь природные условия Югории и Аляски во многом совпадают.

Теперь, когда оборвались многие хозяйственные связи между регионами России, всё животноводство Ханты-Мансийского округа осталось без комбикормов. Посланцы округа ищут их днём с огнём «по всей Руси великой», покупают втридорога и дорого платят за доставку на север. Вот бы теперь, вспомнив совсем недавно заброшенный многовековой опыт, возродить зерновое производство вновь! Был бы скоту свой комбикорм — ведь животноводство потребляет зерна раза в 4 больше, чем люди на собственное пропитание. Кстати, в промышленности идёт сокращение работников, и при соответствующей заинтересованности и организации дела можно было бы направить их в сельское хозяйство вблизи городов и рабочих посёлков округа.

Кто возьмётся за это!

Последует ли продолжение хлебопашества в Югории!..

ВЫРАБОТКА СМОЛЫ И ДЕГТЯ

Получаемая кустарным способом смола была двух видов: ямная и обыкновенная древесная. Использовалась она для пропитки деревянных окладников и стоек фундаментов строящихся домов, дворов и амбаров, обмазки лодок, рыбацкой обуви — бродней.

В свои молодые годы, в 1947—48 годах, работая рыбаком в рыбартели «Красный Север», в деревне Кипавла Кондинского района, я сам гнал древесную смолу. Делалось это так. Сначала заготавливался осмол из сосновых корней, выворотков и разделялся на щепу, которая затем подсушивалась. В хорошую весеннюю погоду через неделю она уже была готова.

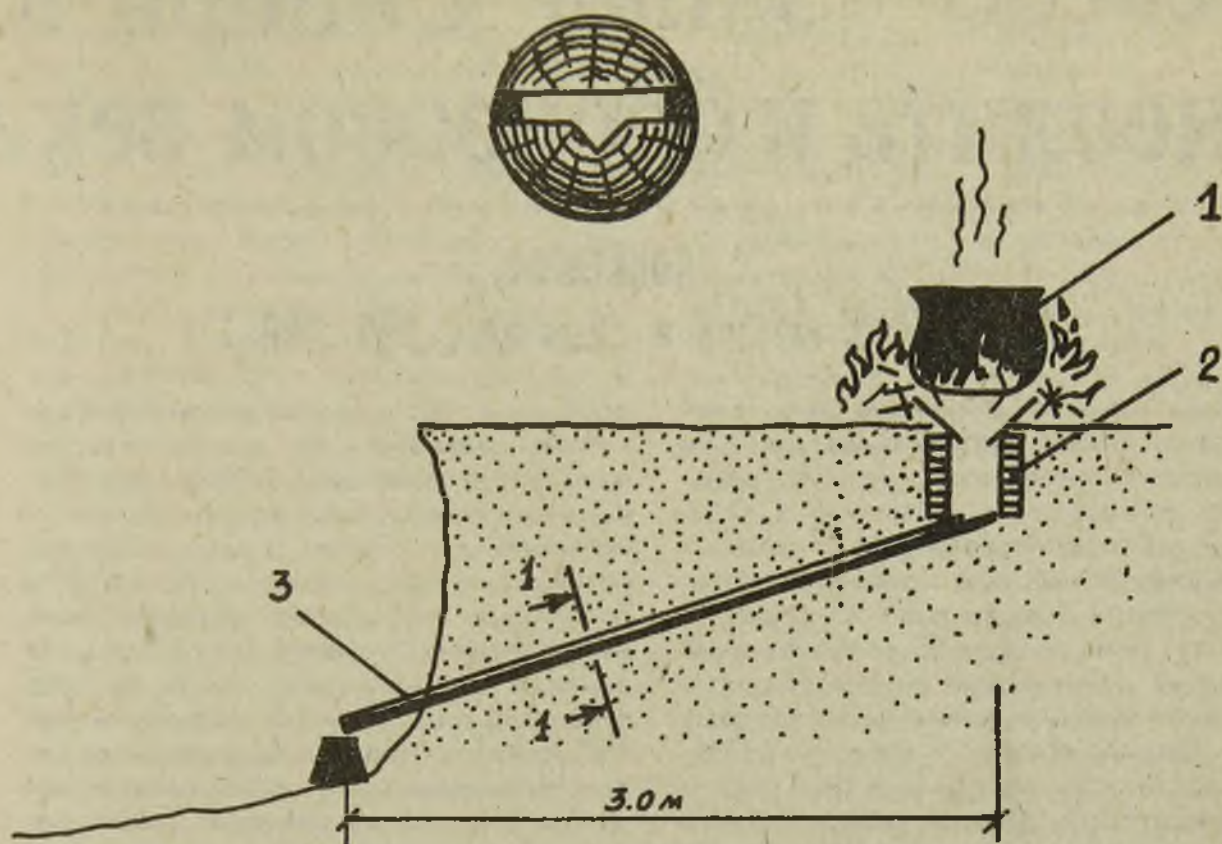
Тем временем подбиралось место для смолокурни в косогоре — так, чтобы был крутояр высотой около метра. От него вглубь берега прокапывалась канавка длиной около трех метров и глубиной на выходе в 50—70 см., на противоположном конце — мельче. По дну прокладывался деревянный желобок, сверху он закрывался деревянной же крышкой. На конце канавы, находящемся в глубине берега, выкладывалось из кирпича (в 2—3 кирпича в высоту) подобие дымохода над самым началом желоба для стока смолы.

Измельченный в щепу осмол складывали в котел или большой чугунок, закрывали крышкой, имеющей отверстие в центре, переворачивали кверху дном и ставили на кирпичи. Край котла (чугуна) присыпали песком или золой, чтобы ни в него, ни в желоб не попадал воздух, затем разводили костер, от которого из щепы при высокой температуре вытапливалась смола и стекала по желобу в поставленную у основания берегового яра емкость. Пламя костра поддерживали все время, пока текла по желобу смола. Как только она переставала течь, костер разбрасывали, переворачивали котел, освобождали от углей и заряжали новой порцией щепы.

Ямная смола и деготь, в отличие от обыкновенной смолы, получаемой вышеописанным способом, добывались по-другому.

В косогоре (но не в яру) рыли яму в метр в суглинистой (не песчаной!) почве. Для выгонки ямной смолы брали такое же сосновое смолье, а для дегтя — бересту. Ее готовили заранее, мельчили на квадратные куски размером в 10—20 см. Затем

1-1



На рис.: 1 — котел, 2 — кирпичная кладка, 3 — желоб.

ставили на дно ямы пустую посудину и закрывали ее крышкой с отверстием в середине для стока дегтя или ямной смолы. На крышку ставилась еще одна посуда цилиндрической формы — в нее складывали осмол или бересту, поджигали, закрывали глухой крышкой и засыпали землей. Если гнали деготь, то яму открывали примерно через неделю, если смолу — через две—три и иногда даже четыре недели. Здесь уже не нужно караулить, и люди занимались другими работами, только изредка наведываясь на свой «перегонный завод».

Дегтем мазали легонько зимнюю обувь. Но охотники ни дегтем, ни смолой не пользовались, так как издаваемый ими запах отпугивает зверей.

Вот то, что я помню о выработке смолы и дегтя кустарным, крестьянским способом. Добавлю только, что продукция получалась лучше, чем нынешняя, вырабатываемая заводским способом.

Н. КАЛЫМОВ.

Северо—Запад Сибири в энеолите и бронзовом веке

С. КОКШАРОВ,

Институт истории и археологии УрО РАН

Предлагаемая вниманию читателей «Югры» статья продолжает серию очерков коллектива археологов Уральского университета и Института истории и археологии УрО РАН, в которых освещаются узловыe проблемы древней истории Тюменского Севера. На этот раз речь пойдет об эпохе раннего металла, сменяющей эпоху камня и предшествующей раннему железному веку. Применительно к таежному Обь-Иртышью, как, впрочем, и большинству территорий Евразии, эпоха раннего металла может быть разделена на два различных по продолжительности и содержанию периода: энеолит и бронзовый век. По данным палеогеографии, климатические условия того времени мало отличались от нынешних. Правда, исследователи обращают внимание на неустойчивость границы леса и тундры и на усиление процессов заболачивания равнины. Относительная стабилизация климата привела к окончательному оформлению хозяйственного быта рыболовов и охотников таежной зоны, который сохранился здесь в слабо измененном виде до прихода русских.

Эпоха энеолита в Северо-Западной Сибири приходится на вторую половину III—начало II тыс. до н. э. По общей археологической периодизации подразумевается, что в это время произошло первоначальное знакомство человека с металлом (медью). Однако выделение энеолита для данной территории носит условный характер, поскольку здесь неизвестны не только следы металлообработки, но и находки медных изделий.

Медные орудия и следы плавки меди

отмечены лишь за пределами упомянутого региона на энеолитических поселениях Южного и Среднего Урала, относимых к суртандинской, кысыкульской, липчинской и другим археологическим культурам. Поделки и скульптура из дерева, обнаруженные на уральских торфяниках (заросших некогда озерах), также несут на себе явные следы обработки металлическими ножами. Сходство материальной культуры древнего уральского и западносибирского населения эпохи энеолита, проявляющееся в распространении сходных форм глиняной посуды и ее орнаментации, однотипных вещей (грузил от сетей, орудий из камня и т. п.), позволяет говорить о том, что производимые на Урале медные изделия могли попадать путем обмена в самые отдаленные уголки Приобья. Таким образом, энеолит таежной зоны Западной Сибири правильнее рассматривать в качестве длительного переходного периода от каменного века к бронзовому.

Если жители юга Урала и Западной Сибири освоили в энеолите металлургию и металлообработку меди, познакомились с такими производящими формами хозяйства как скотоводство и земледелие, то таежное население перешло к интенсивному освоению лесных богатств. Проявлением этого стало широкое распространение сетевого рыболовства. Сети были снабжены утяжелителями — грузилами из обожженной глины, которые имели форму палочек. Эти предметы можно и сейчас встретить на песчаных отмелях лесных рек и озер, на местах бывших рыбацких поселков. Судя по

скоплениям грузил, сети были невелики (6—8 м). Очевидно, они имелись у любого промысловика, находящегося вдали от дома, и гарантировали ему необходимый минимум продуктов.

Использование сетей и пассивных средств лова (запоров в сочетании с ловушками типа верш) позволяло заготавливать впрок большие запасы продуктов и переносить без особых бедствий суровую зиму. Материалы раскопок свидетельствуют, что в местах длительного проживания общин рыболовов и охотников строились внушительные по размерам дома. Их площадь достигала 200 кв. м, они имели шатровое перекрытие, которое покоилось на центральных опорных столбах. В центре помещений располагался открытый очаг — кострище. Остатки таких домов, окруженных по периметру земляными валами и канавками, обычны для беломошных боров рек Конды и Северной Сосьвы. Напротив, в местах традиционных промыслов возводились легкие наземные сооружения и хозяйственные постройки, где добытки отдыхали, чинили и хранили свое снаряжение.

Примечательно, что неизменность хозяйственного уклада обитателей тайги обусловила сохранение рассмотренных выше видов поселений на протяжении всей эпохи раннего металла.

Наряду с вязанием сетей обитатели лесов освоили также основы ткачества. Без принятия данного факта трудно объяснить широчайшее распространение на глиняной посуде узоров, построенных на сетчатой основе. Именно это обстоятельство делает энеолитическую керамику легко отличимой от предшествующей неолитической. Интересно, что узоры строились по принципам, хорошо известным в орнаменте обских угров и северо-самодийских народов. К числу сходных черт древних и современных узоров относятся: построение на сетчатой основе (что предполагает геометричность мотивов) и соблюдение равенства рисунка и фона (принцип обратимости). Конечно же, количество такой нарядной посуды невелико, но именно она придает непов-

торимый колорит энеолитическим находкам.

Одной из проблем, связанных с изучением западносибирского энеолита, является распространение на обширных пространствах — от Северного Казахстана, Южного Урала на юге и до Нижнего Приобья, Европейского Северо-Востока на севере — сходной по форме и орнаментации глиняной посуды, принадлежащей различным археологическим культурам. Была ли территория, лежащая к востоку от Урала, заселена родственными группами населения и представляла собой некую общность (этническую, языковую и пр.) или же отмечаемое единство явилось следствием мощных миграций населения из какого-то одного центра, исследователям прошлого еще предстоит выяснить.

Несмотря на появление у человека энеолитического времени металла он продолжал активно использовать каменные орудия. Наряду с уже известными с неолитической эпохи приемами обработки камня получает широкое распространение одно- и двустороннее ретуширование. Говоря иначе, это скалывание с заготовки мелких и мельчайших осколков (чешуек), которое позволяло придавать предметам необходимую форму и добиваться получения острых режущих кромок. Операция проводилась особыми приспособлениями — ретушерами, выполненными из кости и камня. Наиболее часто техника двустороннего ретуширования применялась при изготовлении наконечников стрел.

Хронологические рамки бронзового века в западносибирской тайге определяются первой половиной II—началом I тыс. до н. э. Именно в начале II тыс. до н. э. здесь, в зоне, практически полностью лишенной сырьевой базы, происходит становление собственной металлообработки. Красноречивое тому подтверждение — неоднократно обнаружение на поселениях так называемой технологической керамики: обломков тиглей и литейных форм. Она легко распознаваема среди находок по ошлакованной поверхности, примесям песка и,

иногда, мелкотолченой кости. Следы плавки меди и бронзы, а также капли металла и изделия из него отмечены практически по всему Обь-Иртышью: на поселениях рр. Конды, Васюгана, Сев. Сосьвы и Средней Оби. Археологические материалы с территории Кондинского района свидетельствуют о поэтапном развитии литейного дела. Первоначально была освоена доволь-

но простая технология производства отливок-полуфабрикатов в односторонних формах. В дальнейшем из них ковались тесла, ножи, шилья и другие мелкие вещи. Следующий качественно новый этап в развитии металлообработки отмечается около середины II тыс. до н. э., когда на обширных пространствах Евразии молниеносно распространилась технология тонко-

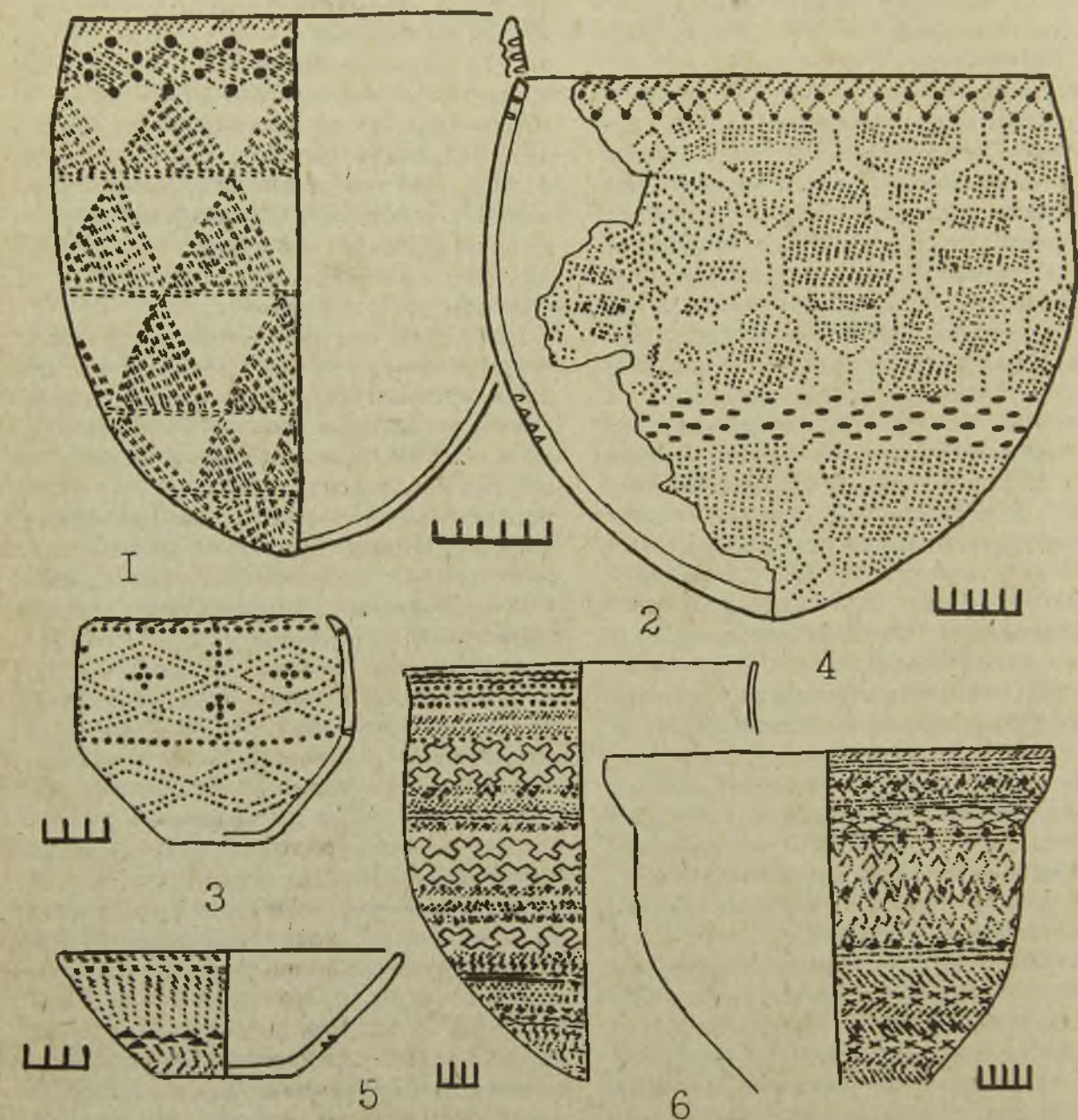


Рис. 1. Глиняные сосуды эпохи энеолита (1—2) и бронзового века (3—6): 1 — поселение Атымья VII, Ивдельский район, пос. Атымья; 2 — поселение Волвонча I, Кондинский район, пос. Кондинское; 3 — поселение Пашкин бор I, Кондинский район, пос. Кондинское; 4 — поселение Леуши X, Кондинский район, пос. Леуши; 5 — поселение Геологическое III, Советский район, гор. Югорск; 6 — городище Барсов городок III/1, Сургутский район, пос. Барсово.

стенного литья в закрытых формах с использованием сердечников. Это событие определено в археологической литературе как «сеймо-турбинский феномен», название которого происходит от могильников Сейма и Турбино, расположенных в Восточной Европе. Наконечники копий, топоры-кельты, долота и пластинчатые ножи сеймо-турбинского облика изготавливались и в некоторых уголках таежного Приобья. Усложнение технологии литья требовало от людей, занимавшихся литейным делом, еще больших навыков и времени. Как следствие этого в некоторых общинах рыболовов и охотников выделились мастера-литейщики, погребения которых удастся обнаружить на древних могильниках. Становление и последующее развитие металлообработки на севере Западной Сибири объективно стимулировало упрочение связей обитателей тайги с южными и западными соседями — поставщиками металла. Судя по данным спектральных анализов, металл попадал в Обь-Иртышье с Урала, Алтая и казахских степей.

Почти с такой же быстротой, с какой утверждалось в Приобье металлообрабатывающее производство, отмечается распространение в бронзовом веке плоскодонной посуды, которая вытеснила из обихода круглодонную, лепившуюся в неолите и энеолите. Причины массового перехода к лепке плоскодонной керамики на огромных пространствах Сибири еще предстоит выяснить.

Во второй половине II тыс. до н. э. на юг Западной Сибири проникают носители андроновской культуры, основу хозяйства которых составляли земледелие и скотоводство. В итоге здесь произошло смешение мигрантов с местным населением, что отразилось, кстати, и на облике глиняной посуды и, прежде всего, на ее декоре. Именно в это время, называемое андроновской эпохой, происходит становление собственно обско-угорского орнамента. Действительно, среди узоров начинают преобладать полосовые мотивы (бордюры), часть которых сохранилась у современного населения

Сибири. В качестве примера можно привести такой известный узор как «заячьи уши» (обские угры) или «зубы щуки» (ненцы). Примечательно, что в бронзовом веке он был известен племенам, расселенным на пространствах от Урала до Енисея.

Очевидно, через мигрантов лесные жители познакомились со скотоводством, игравшим, правда, в хозяйстве второстепенную роль. Важнейшими сферами деятельности последних продолжали оставаться охота и рыбная ловля. Большую роль играл промысел крупных копытных (лося, северного оленя) при помощи ловчих ям, копавшихся на путях суточных и сезонных миграций. Системы ловушек, которые состояли иногда из 20 и более ям, располагались поперек суходолов. Ширина же последних варьировалась от 20 до 1200 м. К настоящему времени ловчие ямы открыты в бассейнах Сев. Сосьвы, Конды, Тавды, на междуречьях Пура и Надымах. Судя по данным этнографии, ловушки маскировались хворостом и хвоей, а на их дне забивались заостренные кольца. Добычей могли стать не только копытные, но и другой крупный зверь: медведь, россомаха, волк.

В позднем бронзовом веке некоторые таежные общины активно осваивали рыбные богатства Оби и могли знать сетные ловушки калданного типа. На обских поселениях того времени встречаются утяжелители от составных рыболовных крючков, что указывает на значимость индивидуального промысла.

В конце бронзового века (XII—VIII вв. до н. э.) наблюдается обособление таежных рыболовов и охотников от мира скотоводов и земледельцев западносибирской лесостепи. Это выразилось в сложении на севере региона общности, маркируемой памятниками с керамикой, которая украшена специфическим орнаментом из фигурных штампов в виде косоугольного креста, «волны». К началу I тыс. до н. э. относится продвижение отдельных групп лесного населения, оставившего поселения упомянутой общности, на юг —

по долине Оби, Иртыша и их притоков, на запад — на Урал. Эти миграции неизбежно приводили к вооруженным столкновениям с местными жителями. Свидетельство тому — появление городищ таежных мигрантов на заня-

тых ими территориях. Для последующего периода в истории Западно-Сибирского Севера — раннего железного века — укрепленные поселения или городища представляют обычное явление.

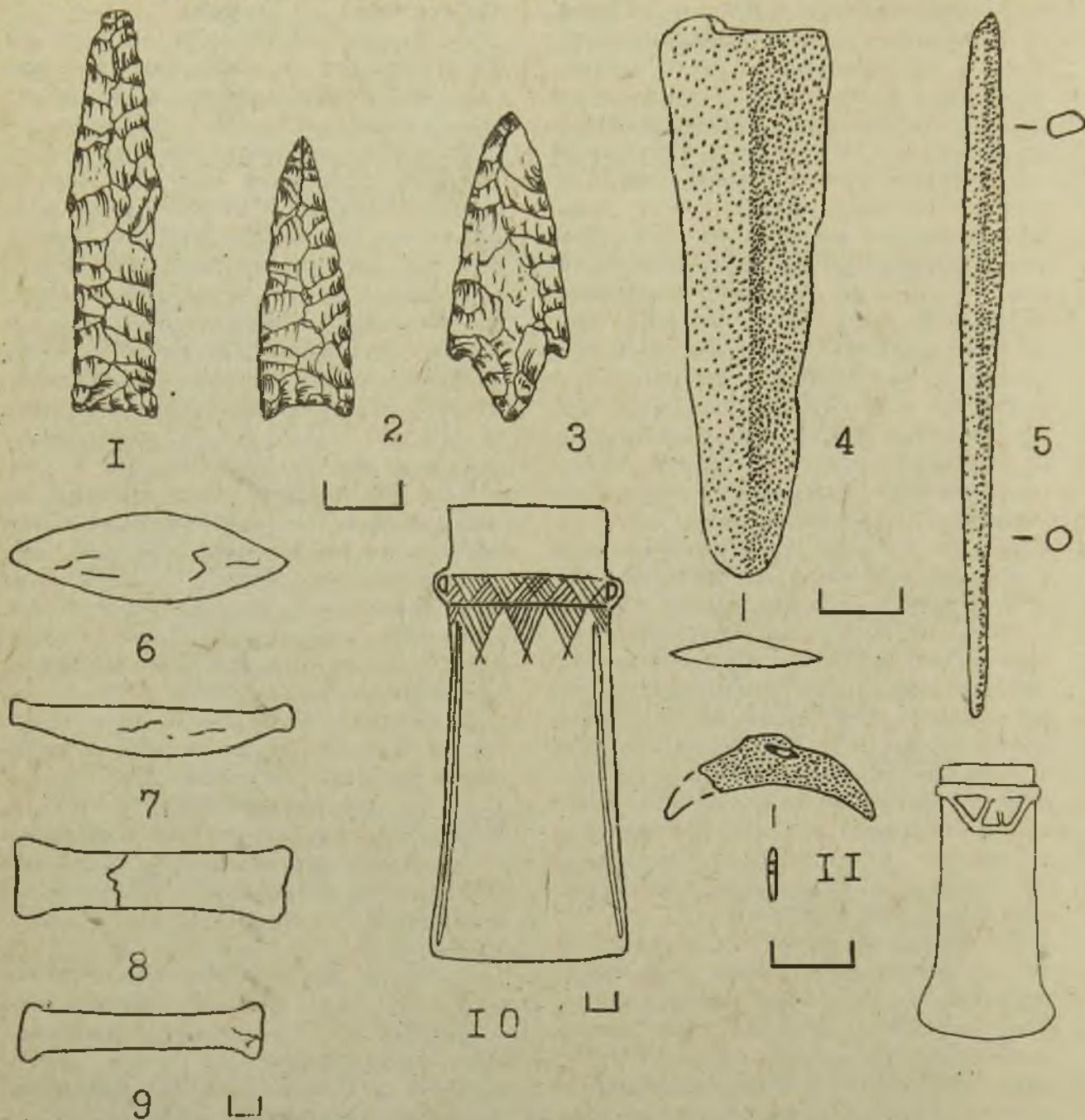


Рис. 2. Находки энеолита (6—7) и бронзового века (1—5, 8—12): 1—3 — кремневые наконечники стрел; 4 — бронзовый нож; 5 — медное шило; 6—9 — глиняные грузила от сетей; 10, 12 — графические реконструкции кельтов по литейным формам; 11 — медное украшение — «лунница». 1—2, 4—5, 7—8, 11 — поселение Геологическое III, Советский район, гор. Югорск; 3, 9 — поселение Пашкин бор I, Кондинский район, пос. Кондинское; 10 — культовый комплекс Сайгатино VI, Сургутский район, пос. Сайгатино; 12 — поселение Волвонча I, Кондинский район, пос. Кондинское.

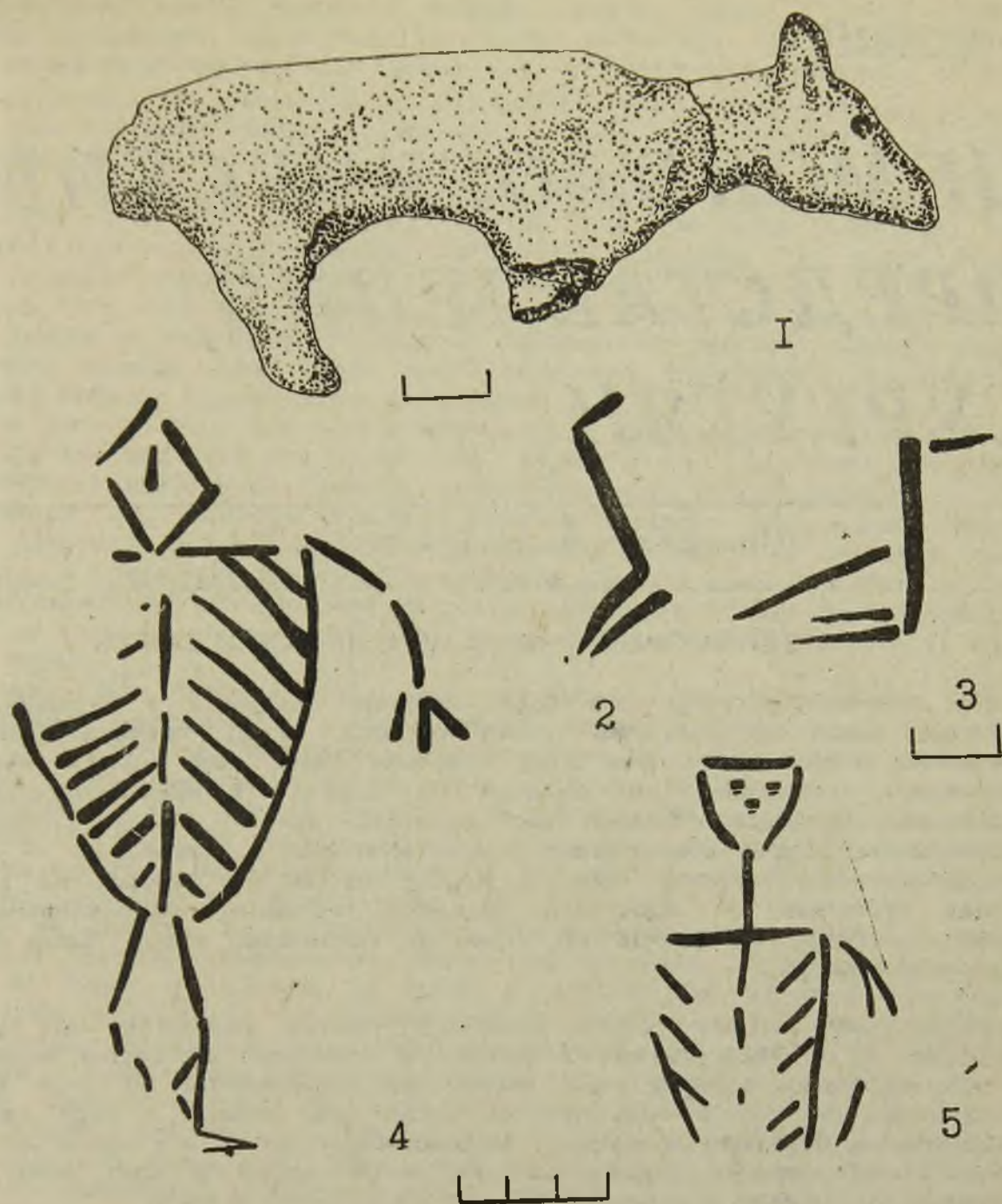


Рис. 3. Животные и человекообразные существа в изобразительном творчестве энеолита—бронзового века: 1 — глиняная скульптура оленя (?); 2—3 — зодоплавающие птицы, прорисовка орнамента на сосудах; 4—5—герои древних мифов (?), прорисовка орнамента на сосудах. 1 — поселение Низямы VIII, Октябрьский район, дер. Низямы (раскопки В. М. Морозова и В. Н. Широкова); 2—поселение Атымья VII, Ивдельский район, пос. Атымья; 3 — поселение Лева XII, Кондинский район, пос. Ягодный; 4 — поселение Волвонча I, Кондинский район, пос. Кондинское; 5 — поселение Ст. Хангокурт II, Советский район, заповедник «Малая Сосьва».

И. НЕКЛЕПАЕВ

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СУРГУТЯН

(Продолжение. Нач. в № 2, 1993 г.).

ПОСРЕДНИКИ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ И НЕЧИСТОЙ СИЛОЙ.

По мнению сургутян, есть лица, которые находятся в сношениях с нечистой силой и, пользуясь этими связями, могут причинять людям различные неприятности. Эти лица известны здесь под именем «чернокнижников», «еретиков», или «еретиц»¹ и «вещиц». В противоположность «еретикам», которыми бывают как мужчины, так и женщины, «чернокнижниками» бывают обыкновенно только мужчины, а «вещицами» — одни только женщины. «Может быть, в других местах, — говорят по этому поводу сургутяне, — где есть грамотны женщины, чернокнижницами бывают и бабы, но у нас об этом не слыхивано, чтобы бабы были чернокнижницами»...

«Вещицами» бывают только женщины, разных возрастов, но всегда замужние. В обычное время их ничем не отличишь от других женщин, но как наступает полночь, они сейчас же принимаются за свое дело. А дело это состоит в том, что по ночам они летают в виде сороки и вынимают у беременных женщин недоношенных детей, а у коров таковых же телят. И вынутых недоносков они потом жарят и едят. Ими, по видимому, они только и питаются, без них же не могут и жить.

Сургутяне, по их словам, не раз замечали, что беременные женщины, без всякой видимой причины, внезапно теряли свой плод... Женщина была, несомненно, беременна, бабка уже ощупывала у нее младенца, и скоро

¹) Реже, и лишь только в пояснение, называют их еще колдунами и колдуньями, чародеями и чародейками, и хотя эти последние эпитеты известны в Сургуте, но сами сургутяне, в своих рассказах об этих посредниках, всегда называют их общеупотребительными в здешнем крае терминами: еретики и чернокнижники.

должны были наступить роды, как вдруг, проснувшись в одно утро, эта женщина с ужасом замечала, что она уже «опросталась» и у нее нет ребенка... Это не иначе, как ночью прилетела вещица и вынула его.

При этом, взамен вынутого ребенка, вещицы кладут в опорожненную утробу матери или кусок льда, или кусок хлеба или голик (худой веник). Это делается в ту же ночь, причем сама беременная женщина обыкновенно ничего не чувствует в это время, что с ней делает вещица, так как последняя напускает на нее в этом разе крепкий и глубокий, мертвый сон.

Если вещица ничего не имеет против той женщины, у которой вынимает ребенка, «не несет против нее никакого зла» (а надо сказать, что вообще вещицы, по словам сургутян, не несут против этих женщин никакой особой злобы, вынимают же у них ребят только потому, что без этого вещицы не могут жить, так как недоносками они только и питаются), то вместо украденного ребенка вещица кладет в утробу матери кусок хлеба, после чего мать обыкновенно не чувствует никакой болезни и даже начинает «добреть».

Но если вещица зла на ту женщину, у которой она уносит ребенка, то взамен его она оставляет или кусок льда, или голик. И тогда эта женщина испытывает страшные муки, которые не скоро проходят.

Иногда же, вынувши живого ребенка, вещица подсовывает вместо него мертвого — от какой-нибудь другой матери. Это делается тоже ночью, и беременная, по обыкновению, ничего не чувствует в это время, обман же обнаруживается только при родах, когда вдруг появляется «не от чего» мертвый ребенок, и притом обликом — ни в мать, ни в отца...

Чаще всего вещицы таким же порядком портят беременных коров, у которых тоже вместо вынутых телят кладут в нутро хлеб, или лед, или голик. Все это, по словам сургутян, не раз находили у заколотых коров, закалывали же их потому, что, несмотря на все видимые признаки беременности, и, между прочим, отсутствие молока, эти коровы целые месяцы и годы не давали никакого приплода. А обыкновенно, когда вещица вынет у какой-либо женщины или коровы их плод, то они уже больше никогда не забеременят, не «понесут». И вот, если корова долго не телится, то догадываются, что вещица у ней вынула теленка, и такую корову обыкновенно сейчас же убивают, потому что от нее уже не будет ни молока, ни телят, и держать ее станет безвыгодным. В утробе этих коров и находят вместо телят один из вышеназванных предметов, причем заранее можно предсказать, что именно там найдется, так как от льда корова зябнет, от хлеба ее пучит, а от голика она сохнет.

По словам сургутян, вещицы летают по ночам в виде сорок, но без хвоста, обычным сорочьим полетом — то вверх, то вниз, то опускаясь, то поднимаясь. При этом над головой у таких сорок бывает заметен небольшой синеватый огонек. И вот если в полночь, — говорят сургутяне, — увидишь бесхвостую сороку с синим, едва заметным огоньком над головой, ныряющую в воздухе, то вверх, то вниз — это непременно вещица; если же доподлинно хочешь узнать, кто же именно летает под видом сороки, то нужно снять штаны и, обернувшись к вещице задом, посмотреть на нее промеж ног, и тогда сорока, как клубок, упадет на землю и превратится в ту или другую женщину, которая сейчас же бросится в ноги к тому человеку, кто ее «обнаружил», и станет всячески его упрашивать никому не рассказывать об этом. И эта просьба вещиц обыкновенно всегда исполняется, потому что сургутяне уверены, что если ее не исполнить, и, хотя бы под величайшей тайной, рассказать об этом кому-нибудь, то про это непременно узнает

вещица, так как она «все знает», и жестоко отомстит болтуну; если это человек женатый, то может испортить у него жену, а если холостой, то «напустит на него сухоту и тоску, а может сделать и хуже»...

Этим путем обнаружить вещицу могут только мужчины, бабы же, сколько бы ни смотрели на такую сороку промеж ног, не увидят вещицы в ее настоящем виде. Но есть и другие способы обнаружить вещицу, доступные всем, без различия пола.

По мнению сургутян, у вещиц первый дым из печной трубы никогда не выходит спокойно и тихо, а всегда его вертит и кружит клубами во все стороны, какая бы ни была погода. И вот если ранним тихим утром посмотреть на тот дом, где предполагается вещица, то первый дым, вместо того, чтобы подыматься по выходе из трубы ровно и спокойно вверх, будет клубиться и вертеться, как бы от сильного ветра. Это уже несомненный признак того, что в этом доме живет вещица.

Если женщина, относительно которой предполагают, что она летает вещицей, придет в гости, то стоит только перевернуть заслонку (дужкой в нутро) печи, находящейся в той же комнате, где сидит гостья, как эта женщина, если она действительно вещица, сейчас же уйдет из гостей. И как бы ее не удерживали, и не упрашивали остаться, хотя бы «пировье» было в самом разгаре, она не усидит, и под тем или другим предлогом обязательно уйдет из этого дома.

Тем же способом очень легко и не допустить вещицы в дом, если кто не хочет ее видеть, так как вещица сейчас же узнает, что в печи перевернута заслонка, и как бы ей не нужно было войти в этот дом, она не войдет.

Но этим способом можно предохранить себя от посещения вещицы только днем и когда она является в своем настоящем виде, т. е. в образе той или другой женщины; когда же она летит ночью под видом бесхвостой сороки, то для нее не имеет никакого значения печная заслонка, так как она в этом случае входит в нужный ей дом всегда под передний угол. Этот угол ночью вдруг подымается, в нем появляется синенький огонек, и влетает вещица. Здесь она принимает человеческий облик, или свой настоящий, или какой-нибудь близкой знакомой той женщины, за ребенком которой она прилетела, но чаще всего вещица является в образе той бабки, которая недавно «правила живот» у этой женщины. И сейчас принимается за свое темное дело — вынимать ребенка у беременной.

Впрочем, есть средство и спастись от вещицы. Именно, если беременная женщина спит со своим мужем, то стоит только последнему положить на жену руку или ногу, как вещица уже не может дотронуться до этой женщины. Если же мужа нет дома, то тогда жена на ночь всегда должно подпоясываться мужниным «ошкурком» или «гашником» (пояс вокруг штанов), и в таком случае вещица тоже не может ничего с ней поделаться. Повертится, повертится около нее, и увидев, что нельзя к ней подступиться, так и улетит ни с чем...

Что же касается ночных походов вещиц, то о них сургутяне рассказывают так.

Вещицы, как и все такие существа, стоящие в связи с нечистой силой, летают только в полночь. К этому времени женщина, которая летает вещицей, обыкновенно крепко-накрепко усыпляет (при

¹ По этому поводу у сургутян есть чрезвычайно картинное сравнение: «дым из трубы, как медведь, лезет».

помощи разных таинственных снадобий) своего мужа (если таковой у ней имеется), а сама отправляется в подполье. Там у ней расставлено в известном порядке 12 воткнутых в землю ножей. Она как-то перевертывается через эти ножи, и при этом половина-ее туловища, начиная от груди, у ней отпадает, а остаются только голова и руки. Затем эти голова и руки превращаются в сороку (без хвоста), причем из рук получаются крылья. Другую же часть туловища вещица оставляет в подполье и прячет ее под поганое корыто. Потом она вылетает из подполья и через трубу вылетает на улицу.

Из своего дома, таким образом, вещица всегда вылетает в трубу. Этим обстоятельством здесь пользуются, чтобы обнаружить вещицу. Именно, если кто-нибудь из ее домашних, например, муж, заподозрив жену в летании вещицей, захочет окончательно в этом убедиться, то ему советуют в верхней заслонке, закрывающей печную трубу, начертить на саже крест, и если его жена действительно вещица, то у нее после этого в ту же самую ночь заболит лоб: при полете через трубу, она наткнется на крест и «доспеет» себе на лбу шрам, который потом будет болеть у ней до самой ее смерти. Сургутяне по этому случаю рассказывают про одну старуху, которая летала вещицей и над которой проделали эту штуку, что она до самой смерти ходила с завязанным лбом...

Таким образом, если в полночь сургутяне услышат щекотанье сорок, это значит — слетелись вещицы и готовятся отправиться на свой промысел, так как сургутяне уверены, что настоящие сороки в это время спят и ни под каким видом не летают. Вещицы же нередко «промышляют табунами», по две и по три вместе, и у них даже бывает свое особое место, обыкновенно какая-нибудь пустая нежилая изба, стоящая где-нибудь «на пустопесьи», куда они слетаются каждую ночь и приносят свою добычу. Здесь они ее жарят и едят.

А перед тем как выйти на промысел, чтобы удобнее было совершать свое темное дело, вещицы «закрывают даже месяц», если бывает лунная ночь. Но, по мнению сургутян, это могут делать не все вещицы, а только те, которые «дошли до всего», и обыкновенно про таких вещиц здесь говорят, что это — самые «дошлые».

По словам сургутян, «вещицы летают с города на город», т. е. в одну ночь могут перелетать громадные пространства. Так, сургутяне уверяют, что бывали случаи, как тобольские вещицы появлялись в Сургуте и вместе с сургутскими улетали в Березов, а к утру той же ночи все они уже были по своим местам, и, как ни в чем не бывало, спали около своих мужей.

Прилетевши с промысла домой, вещица обычным порядком спускается в подполье, где после перевертывания через ножи принимает свой настоящий облик и спокойно ложится подле мужа. Таким образом, мужья обыкновенно ничего не знают о том, что их жены летают по ночам вещицами, и некоторые доживали даже до старости и умирали, не подозревая ничего подобного за своими женами. Женщины, превращающиеся вещицами, как мы уже видели, в высшей степени тщательно хранят эту тайну, и до самой своей смерти никому не объявляют об этом. Но перед смертью они, как и вообще все существа, знающиеся с нечистой силой, обязательно должны передать свой секрет кому-нибудь другому, иначе им не умереть, и нечистая сила, с которой они знали всю жизнь, будет их мучить и томить все время, пока они не передадут своего искусства какому-нибудь другому лицу. Чаще всего они передают свой секрет дочерям, так что, по словам сургутян, вещицы бывают наследственные, и здесь указывают не одну семью, где вся женская половина, начиная с прабабки и кончая внучкой, были вещицами.

По словам сургутян, всех вещиц известной местности можно переловить в Христовскую заутреню. Делается это так: с первого дня великого поста нужно оставлять по полону от каждой утренней истопки и делать это в течение всего поста, а в Христовскую заутреню этими дровами затопить печь. Вещицы обязательно слетятся просить огня. Когда они столпятся у шестка, то нужно между ними и дверью вытащить из полу половицу, и тогда они уже не могут выйти из избы, и тут бей хоть кнутом...

Но вообще вещиц, по мнению сургутян, не следует дразнить и беспокоить, так как за всякую причиненную им неприятность, они потом жестоко расплачиваются с людьми. По этому поводу здесь рассказывают такой случай, бывший будто бы в старину с одним из сургутских священников.

Раз этот священник гулял поздно ночью по берегу Бардаковки (протока, на которой стоит Сургут). Вдруг он заметил в одном из опрокинутых больших пустых каюков какой-то огонек; он приложил глаз к щели каюка и увидел одну сургутскую старуху, которая на небольшом огоньке жарила ребенка. Ни слова не говоря, он отошел прочь и решил наказать эту старуху, когда она придет к нему на исповедь. И вот, когда подошло время исповеди, явилась к нему и эта старуха, и рассказала все свои грехи, но о ребенке скрыла. Тогда он стал допытываться у нее, чтобы она рассказала ему еще про один свой грех, о котором знает и он. Но как он ни уговаривал ее признаться в этом грехе, старуха все отпиралась и твердила одно, что не знает за собой никаких больше грехов. Тогда священник объявил ей то, что видел в каюке, и сказал что за это он не даст ей завтра причастия. И действительно не дал. Это, конечно, заметили и все другие богомольцы, бывшие в храме, и по Сургуту пошла ходить нехорошая слава про эту женщину. Ее стали все сторониться. Конечно, это озлобило старуху, и вот как-то, встретившись с попом, она заявила ему: «Ну, ладно, батька, будешь ты у меня помнить»...

Затем, через некоторое время, эта старуха померла. Немного спустя после этого является раз в полночь к этому священнику его псаломщик и говорит: «Батюшка, — говорит, — пора благовестить к заутрени, благословите!»... Священника это поразило, что больно уж рано пришел псаломщик, но так как у него часов не было, то он и подумал, что, может, и проспал и, благословив псаломщика на благовест, сказал ему: «Звони, сейчас и я приду». И не дожидаясь, по обычаю, звона, пошел в церковь, взяв с собой и своего малолетнего сына, которого он любил водить в церковь. Через несколько часов после этого, когда матушка уже стала тревожиться, что это не слышно звона и в то же время батька не идет из церкви, к ней заявляется псаломщик и говорит: «Пора уж звонить к заутрени, где батюшка!...». Та в ужасе рассказала ему, что он уже приходил за ее мужем и последний давно уже в церкви... Созвали народ, бросились в церковь, и когда пришли туда, то в алтаре нашли священника задушенным. Стали искать мальчика и нашли его, еле живого от страха, под престолом. Когда его расспросили, то мальчик рассказал, что как только они вошли в церковь, на них накинута какая-то «баушка» с криком: «Наконец-то, я дождалась тебя! мой друг», и стала отца душить; тот было начал отбиваться крестом, но ничего не помогло, а сам мальчик со страху залез под престол...

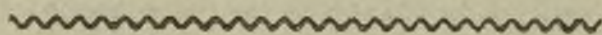
Тогда все поняли, что в образе псаломщика приходила недавно умершая вещица, которая давно уже несла зло на священника и задушила его в церкви.

Но в последнее время, заключают обыкновенно свои рассказы, сургутяне, вещицы стали как-то реже появляться, чем раньше, и уже больше портят коров, чем людей. Но коров они портят часто и теперь, вот почему новотельным коровам, по первому теленку, здесь обыкновенно завязывают рога мужским «ошкурком» (пояс от штанов), «чтобы вещицы не утащили теленка»...

Очень близко походят на вещиц, по рассказам сургутян, так называемые здесь «волшебницы». Ими тоже бывают только женщины, но, по-видимому, не одни замужние (как вещицы), а и девушки. Единственное их занятие состоит в том, что по ночам они разрывают на кладбище свежие могилы и «обдирают» (едят) только что похороненных покойников. Ими они только и питаются. Этим, главным образом, и отличаются волшебницы от вещиц, но отличаются, по понятиям сургутян, очень резко. Вещицы никогда не «обдирают» покойников, как, в свою очередь, и волшебницы никогда не вынимают у женщин и коров недоносков. И ни одна вещица ни разу не была в то же время и волшебницей, как и волшебница — вещицей. Но во многих других отношениях они очень походят друг на друга.

Волшебницы, как и вещицы, в обыкновенное время ничем не отличаются от остальных женщин, и по наружности их нельзя заметить. Но, однако, есть один способ обнаружить и проделки волшебницы. По этому случаю у сургутян существует такой рассказ. У одного мужика была жена волшебницей. Так же, как и все, она летала по ночам на кладбище и обдирала покойников. Вот мужику и стали говорить про жену: куда же ты, мол, смотришь! Жена-то твоя что делает! Сначала он не верил, хотя и замечал за женой такую странность: как только они сядут обедать, жена все говорит: я сыта. — «Где же ты ела!» — молчит. Тогда некто научил мужика доглядеть свою жену: «Когда будешь ложиться спать с женой, то защеми конец одеяла между большим и следующим пальцами ноги, и она не в состоянии будет тебя усыпить. (Обыкновенно к полуночи она усыпляла мужа и отправлялась на кладбище). А когда она пойдет, ты встань и посмотри в продушину между двух пальцев — указательного и среднего, и увидишь все ее проделки...». Мужик так и сделал, и убедившись, что жена у него волшебница, тут же ее убил.

Вообще о волшебницах у сургутян существует очень мало рассказов и кроме только что приведенного нами (как видит читатель, далеко не полного), нам ни одного не удалось записать.



В заключение следует рассказать еще об оборотнях.

Оборотни, по мнению сургутян, особая порода людей. Это — не чернокнижники и не вещицы. Оборотнями могут быть как мужчины, так и бабы, причем первые превращаются чаще в медведя, вторые — в свинью. Превращения эти про-

Когда какая-нибудь женщина надевает шубу на выворот (на святках или чтобы поугагать кого), то сургутяне говорят про нее: «ну, и вырядилась же ты, точно полудница». Очевидно, раньше здесь существовало какое-то поверье и о полудницах, но больших сведений нам не удалось собрать. По этому поводу считаем не лишним заметить, что у зырян Устьсысольского уезда василек называется по-зырянски «полуднича синь», т. е. «полудницын глаз». Но что такое «полудница» (не зырянское слово) и почему этот цветок называется ее глазом, — мы не могли узнать от зырян.

исходят, по-видимому, тем же путем, как и у вещиц, т. е. в подполье эти лица перевертываются или перескакивают через 12 ножей и затем превращаются в то или другое животное. Если эти ножи украсть в то время, когда оборотень странствует, то он навеки так и останется в том виде, какой принял. По этому случаю у сургутян есть очень трогательный рассказ про одного медведя-оборотня, на которого «было жалостно глядеть», когда он скитался по лесам, не привыкший к условиям медвежьей жизни и не будучи в состоянии снова сделаться человеком, так как его ножи кто-то «свистнул»...

Оборотни могут превращаться также и в налимов. Про это здесь рассказывают такой случай. Раз зимою ловил мужик «самоловами» рыбу и добыл «матеряющего» налима, чуть не в человеческий рост. Кликнул жену и говорит ей: «Убей поскорей налима, а то он, пожалуй, будет биться-биться и заскочит в воду, и свари мне из него уху»... А сам пошел дальше осматривать другие самоловы. Жена же подумала: «Вряд ли в такой мороз заскочит налим в воду, поди уж он давно «доспелся патанкой», и стоит ли его бить!». И ушла домой. А налим тем временем трепетался-трепетался на льду, добился до луны и юркнул в воду...

Осмотревши самоловы, возвращается мужик домой и — что же! Нет ни уха, ни налима... Не говоря лишнего слова, мужик сейчас же задал жене трепку за ее «провинку» и строго-настрого приказал ей вперед слушаться мужа, а о случае с налимом вскоре и позабыл.

Вот в ту ли зиму или в другую, пришлось этому мужику приехать раз в город. Встречается он на базаре с каким-то купцом, и вдруг этот купец здоровается с ним, как будто бы это был его старый хороший знакомый, и зовет к себе в гости... Мужик вытаращил глаза и с удивлением посмотрел на купца, которого он видел в первый раз в жизни, а тот здоровается с ним, как со старым знакомым, да еще зовет в гости... Но в гости отчего не пойти! — Пошел. Пришли они к купцу, и начал он угощать мужика и водкой, и чаем, и разными закусками. Мужик сидит и ест, от угощенья не отказывается, но в тоже время думает: «Вот чудо-то, диво-то! И в глаза не видал этого купца, а как он меня угощает, что бы это значило!». После того купец и говорит мужику: «Отвези, брат, пожалуйста, от меня своей жене подарочек, что я тебе дам». И начал он тут откладывать мужику разные материи — «и шелковы, и атласны, и гарусны», и разные ожерелья, и серьги, и кольца... Тут мужик не вытерпел и спрашивает купца: «Скажите же, пожалуйста, кто вы такой будете и за что вы дарите жену мою!» — «Вот за что я дарю, — отвечал купец, — помнишь ты, как раз зимой добыл ты матерого налима и приказал жене сварить из него уху, а она не послушалась тебя и не сварила уху, а бросила налима опять в воду! Вот этот налим и был я, и за то твою жену дарю, что она не убила меня. Я ходил допоздна в реке, отстал от товарищей и наткнулся на уд, и спасибо жене твоей, а то быть бы мне в ухе, и вот за это ей и подарочек»... После этого мужик спрашивает: «Для чего же вы ходите налимом!» — «А видишь ли, братец, мы промышляем на песках рыбу, вот и ходим узнавать, где рыбы останавливается больше, там и делаем промысел»... Тогда мужик понял, что перед ним оборотень, взял поскорей подарки и — домой.

¹ Сделался мерзлой рыбой. «Патанка» — мерзлая рыба, которую в Сургуте так и едят, не оттаивая.

² По другим рассказам, сжалилась над налимом и сама его бросила обратно в воду.

Ю. НАДТОЧИЙ

ДЕКАБРИСТ-СИБИРЯК

«Сибирь имеет чудное свойство: климатизировать всех, кто в нее как-нибудь попадает. Стоит перешагнуть единожды за Урал, тотчас и прильнет название сибиряка — надолго, на всю жизнь, хоть уезжай за море».

Написал эти строки, в письме отправленном из сибирской ссылки, декабрист Гавриил Степанович Батеньков. Верно не о себе, потому что за Уралом ему «климатизироваться» не пришлось. Батеньков был единственным из декабристов коренным сибиряком.

Еще он писал: «Мне вполне хватило... Сибири, угнетаемой самовольным и губительным управлением, чтобы не любить существующий порядок...».

Любовь к Сибири, желание «иной жизни» для своей родины, привели Гавриила Степановича Батенькова к первым дворянским революционерам. В их среде Батеньков был не только единственным уроженцем Сибири, но, практически, по своему происхождению, единственным «разночинцем». То есть, относился к тому общественному слою, которому, если говорить о первой четверти XIX-го столетия в России, только предстояло мощно выйти на политическую арену. Можно считать, что по многим своим взглядам Батеньков опережал революционеров-дворян. Его ориентация на промышленников, нарождающуюся буржуазию, купечество, то, что можно назвать «свободными экономическими отношениями», заставляют воспринимать Батенькова, как явление вполне современное.

Родился он в Тобольске 25 марта 1793 года в семье младшего отставного офицера Степана Батенькова. Отставной офицер был прост и беден, дворянство свое, видимо, заслужил кровью в Семилетней войне в сражениях против войск прусского короля Фридриха II.

Проста была и мать его, которую Степан Батеньков взял в жены из семьи тобольских мещан Урванцевых. И уж совсем простой была вся остальная тобольская родня: купеческие приказчики, солдатские вдовы, типографский рабочий, священник.

После смерти отца мальчик учился в тобольской военно-сиротской школе, откуда попадает в Петербург в кадетский корпус. 21 мая 1812 года кадет Батеньков впервые надел офицерские погоны, молодой офицер принял присягу на служение царю и Отечеству. Присяге на служение Отечеству он не изменил...

В боях с французами Батеньков получил одиннадцать ран, узнал радость наступлений, горечь плена. В 1816 году он сообщает другу Алексею Андреевичу Елагину, уже из Тобольска: «Я оставил военную службу и ношу теперь звание поручика в корпусе инженеров путей сообщений. Экзамен в Петербурге, мною выдержанный, сделал меня известным всему верховному начальству по сей службе, честолюбие и надежда заставляют ее продолжать...».

Офицер-артиллерист стал инженером, чтобы строить в Сибири дороги, мосты, соединять каналами реки. О путях торговли и сообщений в обширнейшем и богатейшем крае мечтал один из первых инженеров-сибиряков. Его питали надежды, помыслы юного инженера устремлялись к одному — народной пользе, ради которой только и стоит жить

человеку. Но одного желания и труда окажется мало, потому что и в XIX-ом веке можно столкнуться с тем, что мы сегодня называем «системой». Пусть не столь развитой и изощренной, как в XX-ом веке, но ничуть не менее жесткой и ограничивающей любую свободную бескорыстную инициативу. Бескорыстие здесь упомянуто не зря, потому что «система» строится как раз для корысти ее непосредственных участников и «созидателей». Это пришлось узнать молодому инженеру, когда он встретился с безудержным чиновничьим лихоимством, способным разграбить даже Сибирь.

Особенность «системы» заключается в том, что она терпит злоупотребления своих «деятелей» и «слуг» до тех пор, пока их «деятельность» не начинает угрожать благополучию самой «системы». Тогда «система» начинает проводить «ревизии», «реформы», «перестройки» и т. д. Известен случай с тобольским губернатором князем Гагариным, официально обвиненным в казнокрадстве, который был жестоко казнен в царствование Петра Первого. В первой четверти XIX-го столетия для ревизии разоряемого чиновниками края был послан человек, разрабатывающий в начале века планы государственного преобразования России в конституционном духе, сам страдавший за правду и значит борец за нее, российский реформатор Михайло Михайлович Сперанский. Получивший от императора Александра I следующий рескрипт:

«Нашел я полезнейшим... поручить вам проделать осмотр сибирских губерний и существовавшего до сего времени в оных управления. Исправя... что будет в возможности, облича лица, предающиеся злоупотреблениям. Важнейшее занятие ваше должно быть: сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края...».

Батеньков писал: «Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть. У нас новый властелин, вельможа добрый, сильный и сильный только для добра».

Современники называли Батенькова «умнейшим среди сибиряков», поэтому он не мог не встретиться с одним из умнейших людей России. И если реформы Сперанского, несмотря на их ограниченность, все-таки выводили Сибирь на более высокий (буржуазный) уровень развития, давая определенную «свободу» промышленникам и купечеству, то хочется узнать и об участии в этих реформах, ставшего самым деятельным помощником знаменитого реформатора, нашего земляка. Уяснившего, что в России, чтобы приносить пользу, мало быть только хорошим инженером, стране требовались еще и хорошие законодатели. Инженер мечтает стать законодателем. Для русских сибирских крестьян, для ссыльных, для тех, кого правительство называло «ясачными инородцами», хотя именно эти «инородцы» являлись истинными коренными жителями Сибири.

Знакомство с краем, с его особенностями, экономической жизнью, помогло Батенькову стать автором следующих законодательных уставов: о сухопутных сообщениях; об учреждении этапов; о ссыльных; об инородцах; о сибирских казаках; о занятии киргизской степи; о приведении в известность земель Сибири.

Все подготавливавшиеся Батеньковым законы служили облегчению положения жителей родной стороны. Например, устав о сухопутных сообщениях отменял трудовую дорожную повинность, которая доводила поселян «до совершенного разорения». Главным образом «от злоупотребления земских чиновников», которые, не принимая выполненные работы или назначая людей в нарочито отдаленные места, вымогали подобным способом взятки.

Для содержания в порядке дорог были организованы специальные команды. Вместе с облегчением жителей, стали в большем порядке содержаться и дороги. Но продолжалось это недолго. До ареста

Батенькова после выступления декабристов. Устав был отменен, на его отмене настояли сибирские полицейские власти, которые с изъятием из их ведения принудительных функций по отношению к местным поселянам теряли немалый доход.

Интересен своей широтой и демократизмом, к сожалению, мало реализованный, продуманный и внедренный Батеньковым Устав об управлении инородцами.

Практически до реформы Сперанского сибирские жители — самоеды (ненцы), татары, вогулы, остяки, юраки, буряты, каракасы, якуты, тунгусы, юкагиры, лапуты, коряки, олюторы, камчадалы, курильцы, а также иные — жили по установленной для коренных сибиряков атаманом Ермаком в 1580 году присяге: «...быть им под царскую высокую руку до веку, покамест изволит бог вселенной стояти, и ясак им давать государю по все лета беспереводно, а на русских людей зла никакого не мыслить и не творить, а которые похотят в его государскую службу, и тем бы его государскую службу служить прямо, недругам его государским не спускать... и самим с ими не изменять... и в иные улусы не отъехать, и во всем правом постоянстве стоять крепко и непоколебимо до века».

Для своего времени присяга, к которой привел местные народы Ермак, являлась выдающимся дипломатическим документом, определившим отношения новых сибирских подданных к русскому государству. Все последующие постановления ограничивались небольшим числом указов о приведении «инордцев» в христианство да инструкциями о разборе дел, связанных со сбором ясачной подати.

И если Ермак в XVI-ом веке и весь вольный казацкий круг отважных сибирских первопроходцев, составляя текст присяги для коренных народов, не забыли о возможности для них «государской» службы, что в первую очередь углубляло, укрепляло связи русских и аборигенов, то в дальнейшем сибирское чиновничество всячески препятствовало общению русского населения Сибири с ее коренными народами.

Подсчеты и экономические выкладки объяснили Батенькову и эту препятствующую развитию Сибири особенность в ее управлении.

Конкурируя с купцами и скупщиками мехов, чиновники боролись за свою абсолютную монополию на наживу.

Отсюда шли лицемерные фразы о необходимости ограждать «инородцев» от русского влияния, предложения о консервации жизни местного населения, для чего отгородить его кордонами, «казачьей команды пикетами».

Решивший во что бы ни стало добиться справедливого закона для организации управления и быта аборигенов, Батеньков с беспокойством знакомился с начатым в 1815 году «резервированием» индейцев в Северной Америке.

Захватывая «свободные» земли, американские колонисты объявляли индейцев «низшим и неполноценным» народом, оправдывая таким образом не только присвоение территории, заселенной коренными обитателями, но и само уничтожение индейцев.

Размышления об участии аборигенов американских приводят Батенькова к жесткому выводу о «самом открытии Америки не в свое время».

Но в Сибири резерваций не будет, и не только потому, что здесь больше пространств, Батеньков уже знает, что ни тайга, ни степь, ни тундры не являются защитой как для одного человека, так и для целых народов, если нет гуманного, охраняющего от насилия закона. И этот закон должен учитывать историю коренных народов, этнографию, климатические условия, в которых они живут. И если Россия велика, то и деятельность властей должна учитывать своеобразие каждой области, местные различия.

Мысли об управлении сибирскими окраинами могли иметь отношение к управлению окраинами кавказскими, киргизскими...

И хотя петербургские власти мало собирались учитывать как своеобразие местных условий, так и широту взглядов нового законодателя, главного Батеньков добьется. Останутся «во владениях кочующих земли ими обитаемые». На этих землях местные народы должны были достигнуть общего уровня развития с русским народом, пользуясь до тех пор своими особыми законами, «пока с переменною образа жизни и степени образования не будет надобности изменить образ самого их управления».

Для быстрой «перемены степени образования» Батеньков предусмотрит в своем уставе предоставление права «ясачным инородцам» отдавать своих детей учиться в правительственные учебные заведения и открывать свои училища.

Система образования для местных народов в тогдашней самодержавной Российской империи окажется самой демократичной. По крайней мере, как в Старом, так и в Новом Свете совместное обучение детей европейцев или североамериканцев с детьми даже вполне обеспеченных представителей колониальных народов еще долго будет практически невозможным.

Уже будучи в Петербурге, являясь правителем дел Сибирского комитета, Батеньков поспособствовал образованию в Сибири еще одной губернии.

Тогда встал вопрос об ином, как казалось, наиболее удачном районировании земель за Уралом. И далеким от Сибири теоретикам показалось заманчивым разделить ее на административные области в соответствии с тремя основными природными зонами: степной, таежной и тундровой, чтобы, исходя из развития хозяйства, условий быта и единства георгафических особенностей, «легче приноровить образ управления» к условиям жизни сибирских обитателей.

Отрицая подобную возможность, Батеньков показал роль рек в экономической жизни сибирских областей. Реки были естественными путями сообщения между севером и югом. «Разделение Сибири по широте не могло служить основанием гражданскому разделению сего края, вся северная сторона по продовольствию ее жителей находится в неизбежной зависимости от южной».

Подобранные Батеньковым руководители новой губернии реализовали его стремление провести в жизнь Устав об инородцах, создать для коренных народов Сибири местное законодательство. Для начала в виде так называемых Степных законов.

Проект, разработанный красноярцами по предложениям Батенькова, был куда более прогрессивным по сравнению с утвержденным правительством Уставом об управлении народов Сибири.

Параграф первый проекта Енисейской губернии провозглашал: «Инородцы, управляются своими начальниками, избираемыми из среды их». А в параграфе седьмом утверждалось, что при наличии наследственной власти «никто не может воспользоваться правом преемничества дотоле, пока не изъявят на то согласие родовичи».

Впоследствии Гавриил Степанович Батеньков говорил: «Я никогда не писал Конституцию для России... тем не менее в голове моей родились в разное время мысли, относящиеся к сему предмету».

Возможность предоставления в самодержавном государстве хотя бы части подданных права избирать себе власть — эта идея Батенькова всегда привлекала прогрессивно мыслящих людей России. И если он и действительно «никогда не писал Конституции», то созданию некой конституционной модели, которой могли бы воспользоваться не только «инородцы», способствовал.

Недаром среди бумаг Николая I, относящихся к суду над декабристами, осталась запись, сделанная его рукой: «С сим поздравляем тунгусцев». Как опытный следователь, Николай I несомненно ознакомился с проектами Батенькова, имеющими отношение к коренным народам Сибири, увидел их, так сказать, перспективу. И оценил...

Но это произойдет позже, после того, как Батеньков разочаруется в созданном для внедрения в жизнь сибирских реформ Сибирском комитете, для работы в котором он был переведен в 1821 году из Сибири в Петербург. В Петербурге он увидел, что все положения создаваемого нового Сибирского учреждения встречают такие препятствия, что энергичный правитель дел Сибирского комитета начинал чувствовать бессилие. словно в бездну заглядывал он и вполне серьезно подсчитывал, сколько лет еще может прожить и хватит ли тех будущих лет на преодоление петербургской чиновничьей бездны. Недовольной даже ограниченными изменениями, что произошли в Сибири после ревизии Сперанского, ударившей-таки по бюрократическому самовластью.

Прочитываем Батенькова: «Дать самодержавному правлению логическое, прочное, мирное юридическое устройство, и, сколько возможно, облегчить и оградить его действие... свыше человеческих сил».

То, что на российском историческом календаре имеется дата 14 декабря 1825 года, во многом связано с именем Гавриила Степановича Батенькова. Именно он сообщал К. Ф. Рылеву содержащийся в тайне день присяги Николаю Первому. Именно к этому, еще неизвестному им дню, приурочивали свое выступление дворянские революционеры. Желавшие видеть в революционном правительстве как Батенькова, так и Сперанского. Кстати, о дате присяги Николаю Первому Батенькову сообщил именно Сперанский.

После поражения выступления декабристов, на допросе, Гавриил Степанович не назвал имени старшего друга и начальника. В надежде, что тот продолжит дело сибирских реформ. Сибиряка, конечно, нельзя было сослать в Сибирь, на родину, после суда над декабристами его оставили в Петербурге. Точнее, в Петропавловской крепости, в Алексеевском рavelине, где он провел в одиночном заключении двадцать лет, один месяц, восемнадцать дней. Арестовали его 28 декабря 1825 года, в ссылку в город Томск отправили 14 февраля 1846 года. Томская ссылка закончилась в 1856 году. Известно, что в томской ссылке Батеньков создал обширные проекты будущих железных дорог в Сибири, среди них проект железнодорожной станции, соединяющей Тобольск, бассейн Иртыша и Оби с Центральной Россией.

Скончался Гавриил Степанович Батеньков в городе Калуге 29 октября 1863 года. Похоронен недалеко от города Белёва в Тульской губернии. В 1993 году исполняется 200 лет со дня его рождения и 130 лет со дня смерти...

Российское общество высоко оценивает сибирские реформы М. М. Сперанского, недостаточно зная вклад в них нашего земляка Г. С. Батенькова. Краткий очерк не дает возможности широкого охвата деятельности «умнейшего среди сибиряков». Хочется только сообщить, что в городе Томске, где пребывал в ссылке Батеньков, имеется площадь его имени, улица... В бывшей же Тобольской губернии, ставшей Тюменской областью, память о Батенькове практически находится в забвении. «Мы ленивы и нелюбопытны», — говорил Пушкин. И еще, часто, неблагодарны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЭТА

Рукописи не горят, а поэты не умирают. Поэзия живет в тюремных стенах и в ссылке, потому что поэзия есть высшая свобода. Поэт более свободен, чем царь. Поэт сильнее царя, сильнее власти, истинная поэзия оказывается сильнее даже времени. Преходящий быт не признаёт поэтов, вечное бытие — невозможно без них. Хотя бы потому, что без поэзии любая вечность не имеет никакого смысла.

«Горька судьба поэтов всех времён, тяжеле всех судьба казнит Россию», — писал декабрист и поэт Вильгельм Кюхельбекер. Знал, что писал, потому что эти строки о казнённом Рылееве. Возможно, хорошо, что никому не дано предугадать будущее, и поэты из XIX-го века не узнали о судьбах поэтов века XX-го. Но сравнивая век минувший и всё ещё настоящий нельзя не остаться при тягостном убеждении, что вряд ли кто из отечественных поэтов прошёл через такие испытания, что выпали на долю нашего земляка, уроженца Тобольска поэта Гавриила Степановича Батенькова. Или мне только так кажется, но двадцать лет один месяц восемнадцать дней его одиночного заключения в Петропавловской крепости после восстания декабристов, заставляют так думать, потому что смерть, растянувшаяся на двадцать лет, пожалуй, страшнее мгновенной смерти или более быстрой. А может и не стоит сопоставлять, сравнивать, мерять беду и меряться бедами. У поэтов свои меры жизни и свободы, оцениваемые стихами. Поэзия не профессия, не специальность, но форма бытия, особенность существования в бытии. Боевой офицер, прошедший в боях с Наполеоном Польшу, Германию и Францию, сибирский реформатор, инженер, законодатель и мыслитель Г. С. Батеньков, как поэт, родился в тюрьме, в страшных стенах. Поэтическая высокая духовная свобода пробудилась в грубоматериальной несвободе. Сверхдавления производят крепчайшие алмазы, «тяжкий млат, дробы стекло, куёт булат...». И ещё, когда приходят стихи, стен нет. Стены появляются, когда стихи уходят. Узника Петропавловской крепости поэзия спасала для жизни. Стихи помогали преодолеть смерть тюремной могилы. Становится понятным, почему любая власть, строящая стены, так не любит и боится поэтов. В несвободном обществе поэты свободны. Поэты и в тюрьмах свободны, что только подтверждает поэзия Батенькова.

К сожалению, творчество поэта-сибиряка известно очень мало. При жизни им была опубликована написанная в тюрьме поэма «Одичалый», в основном она же публикуется и в современных поэтических сборниках поэтов-декабристов. В год двухсотлетия со дня рождения Батенькова журнал «Югра» представляет обширную подборку стихотворений сибирского поэта. Поэт возвращается на свою родину.

* * *

ОДИЧАЛЫЙ (отрывок из поэмы)

Я прежде говорил «Прости!»
В надежде радостных свиданий,
Мечты вились на пути,
А с ними ряд воздушных зданий.
Там друг приветливый манил,

Туда звала семья родная,
Из полной чаши радость пил,
Надежды светлые питая.
Теперь — прости всему навек!
Зачем живу без наслаждений?
Ужель ещё я человек?
Нет!.. да! — для чувства
лишь мучений!

Во мне ли оттиск божества?
Я ль создан мира господином?
Создатель — благ. Ужель их два?
Могу ль его назваться сыном?

Шмели покоятся в дупле,
Червяк в пыли по воле гнётся —
И им не тесно на земле:
Им солнце светит, воздух льётся,
Им — всё! А мне
Едва во сне
Живая кажется природа...
Ищу в бесчувственной стене
Отзыв подобного мне рода.

Здесь взор потухший лишь находит
Пространство в нескольких шагах,
С железом ржавым на дверях,
Соломы сгнившей пук обшитый
И на увлажненных дверях
Следы страданий позабытых.

Живой в гробу,
Клянущ судьбу
И день несчастного рожденья!
Страстей борьбу
И жизнь рабу
Зачем вдохнула из презренья?

Скажите: светит ли луна?
И есть ли птички хоть на воле?
Им дышат ли зефиры в поле?
По-старому ль цветёт весна?

Ужель и люди веселятся?
Друг другу смеет поверяться,
И думает, и говорит?

Не верю. Всё переменялось:
Земля вращается стена,
И солнце красное сокрылось...
Но может быть, лишь для меня?

Пусть так. Забытый и гонимый,
Я сохраню в груди своей
Любви запас неистощимый
Для жизни новой, после сей!

Вкушайте, сильные, покой,
Готовьте новые мученья:
Вы не удушите тюрьмой
Надежды сладкой воскресенья!

Бессмертие! В тебе одном
Одна несчастному отрада:
Покой — в забвеньи гробовом,
Во уповании — награда.

Здесь всё, как сон, пройдёт:
Пождём —
Призывный голос навевает.
Мы терпим, бремя мук несём,
Жизнь тихо теплится... и тает...

1827 г.

ФРАГМЕНТ

Я прожил век в гробу темницы,
Меня томила ночи тень,
Но дух мой был вольнее птицы,
И ночь преобразалась в день.

В молчании часов тюремных
Я много вынес бурь душевных,
Хотя с людьми не враждовал,
Не знал любви, не правил царством
И покорённым государством
Склоняться не повелевал.

Темницы тишина святая
Сосредоточила мой дух.
К громам священного Синая
Покорный приучила слух.

Открыла, в чем великих сила,
И в огненном столпе учила
Источник красоты искать,
Языком моря Бога славить,
Завет средь Иордана ставить
И тьму на землю не пускать.

20—40 годы.

Их всех не стало предо мною
В единый миг. Их миру чужд,
От общих отрешённый нужд,
Я жизнью уж дышал иною —
Свободен был, сочтя, что связь
С людьми навеки прервалась.

О днях былого заточенья
Пора настала пожалеть...
Мне б муки прежние терпеть,
Лишь только б слово откровенья,
Как в оны дни, звучало вновь,
И как тогда, вскипала б кровь!

А здесь, на воле, силы духа
Заснули безмятежным сном,
Синая не грохочет гром,
Не будит дремлющего слуха:
Оцепенел! — Так подо льдом
Зимою цепенеет Томь.

Что ж, я ведь, с вашего согласия,
Седого Севера дитя;
И в том богатство вижу я,
В чём вы — тоску единообразья.
Так пусть меня объёмлет ширь
Твоя, красавица — Сибирь!

Помыслив о друзьях далёких,
Гляжу на точки звёзд высоких.
Меж нами тьма, меж ими тьма.
И здесь зима, и там зима...

1854 г.

Себе я не воздвиг литого
монумента,
Который бы затмил великость
пирамид;
Неясный облик мой изустная
легенда
В народной памяти едва ли
сохранит
Но весь я не умру:
неведомый потомок

В пыли минувшего разыщет
стёртый след
И скажет: «Жил поэт, чей голос
был негромок,
И всё ж дошёл до нас сквозь толщу
многих лет».

Узнают обо мне в России
необъятной
Лишь те безумцы, чей мне
сродствен странный дух.
Ни славой, ни молвой стоустой
и превратной
Не отзовется вдруг
прошелестевший слух.

О чём сей слух? О том, что,
в сумрачной Сибири
Влача свой долгий век, я истину
искал,
Что был я одинок, но счастлив
в этом мире
И в дни душевных гроз стихи свои
слагал.

О Муза! Не гордись тяжёлым
вдохновеньем
Вошедшего в твой храм
угрюмого жреца:
Снискать не суждено
его песнотвореньям
Вечнозелёный лавр для твоего
венца.

1856 г.

ПЕСНИ ДОРОЖНЫЕ

Колёса подмазаны,
Чемоданы завязаны,
Вальки привязаны,
Все слова сказаны.
Я еду — еду. А куда?
Зачем? Надолго ли? Не знаю?
Мелькнут, как тени, города,
Деревни — всех не сосчитаю.

Прощайте, милые мои!
У вас хлопот по горло... Впрочем,
Напрасно мы, как муравьи,
Всю жизнь усердно так хлопочем.

Не странно ль — тихий домосед
Захвачен вихрями сует,
А странник сих сует не знает;
Ужель в движении — покой?
Покой, да видите какой:
Его ничто не нарушает.

Я разболтался непутём,
Но вы не слышали, и ладно.
Укроюсь поплотней плащом,
Зане становится прохладно.

А лучше бы всего уснуть:
Во сне покойно дышит грудь
И силы ветхие свежеют.
И пусть в вечерней вышине,
Как будто в лёгком полусне,
Мигая звёздочки синеют...

Колёса подмазаны,
Чемоданы завязаны,
Вальки привязаны,
Все слова сказаны.

1862 г.

12 АПРЕЛЯ 1862 ГОДА

(к десятилетию со дня смерти
В. А. Жуковского)

Мой близится горестный путь
к рубежу,
За коим видна беспредельность,
И яко цевница звяцает моё
К скорбям приобывшее сердце.

Неторной дорогой я шёл по земле,
Стремясь к недоступной мне цели,
Но верные блага утратив свои,
Я жизнь презирать научился.

Кто боль испытал невозвратных
потерь,
Тот, верно, меня не осудит,
И ты не осудишь, усопший поэт,
Гонимого роком скитальца.

Слепой, наугад, я бреду без тебя,
Но чаю грядущия встречи
С тобою и сонмом великих мужей,
Бессмертным свершеньям
причастных.

Недаром цевницей звяцает моё
К скорбям приобывшее сердце:
Над нами и бури ярились вотще,
Над нами и тленье не властно.

1862 г.

* * *

Читатели «Югры» познакомились только с малой частью творческого наследия поэта Гавриила Степановича Батенькова. Эта его публикация — одна из самых крупных в периодической печати. Некоторые из представленных стихотворений были знакомы лишь специалистам, широкий читатель увидел их впервые. Пример «Югры» показывает, что возрождение отечественной культуры может (и должно) происходить через провинциальные журналы. Российская, особенно сибирская, провинция, всё ещё малоосвоенная в культурном отношении, таит в себе новые открытия. Остаётся надеяться, что стихи Г. С. Батенькова займут достойное место в поэтических антологиях, в истории сибирской культуры. С полным правом Батеньков говорил о себе: «Немногие вынесли столько душевных бурь». Приобщение к поэту есть приобщение к времени. XIX-ый век ставил для разрешения свои задачи веку XX-му. На исходе XX-го века придём к выводу, что нам не хватает таких людей, как Гавриил Степанович Батеньков...

Публикация стихов, предисловие и послесловие
Ю. С. НАДТОЧИЯ.

Н. Д. ТЕЛЕШОВ

Как после весеннего разлива рек остаются на просыхающих лугах новые бугры песка и ила, нанесенные половодьем, так и здесь, на широком сибирском поле, после летнего движения переселенцев осталось за лесом много новых могил; как после схлынувшей воды, которая неслась по лугам и дорогам, остаются в песке и траве мелкие рыбы, запоздавшие убраться вместе с водой и обреченные биться и задыхаться в пыли под знойными лучами солнца, так и здесь после схлынувшего многотысячного народного потока осталось несколько детей, обреченных на вечное сиротство или на смерть. Родители их либо умерли в пути, либо, забитые нуждой, ушли в неизвестный край, покинув больного ребенка на произвол судьбы.

Таким сиротой и остался Николка, худенький пятилетний мальчик, про которого даже отец сказал, махнувши рукой:

— Все одно помрет.

Мать долго молилась и плакала, но тоже, наконец, сказала:

— Помрет родименький... Не встанет... помрет.

Дождаться его смерти было, однако, нельзя. Баржа стояла уже у пристани, и наутро был назначен отъезд. Не уедешь завтра — прождешь очереди еще целый месяц, а Матвей и без того уже прожился, дожидаясь то тут, то там, где неделю, где две, а здесь простоял чуть не пол-года, валяясь, как собака, на грязной земле под тряпичным шатром. Да и не все ли равно, днем раньше или днем позже расставаться с ребенком? Николки уже не воротить, а всякий день между тем стоит денег, и дожидаться Матвею было не по карману: и без того прохарчился; хоть с рукой выходи!

Пойдет Матвей, поглядит на сына и разведет руками.

«Родное дитя али нет? — со слезами вопрошает он самого себя и, ударив по груди кулаком, опять подумает: — Звери мы али нет?!»

А Николка лежит ни жив ни мертв, только хрипит.

«Помирать бы, так помирал, что ли! — с отчаянием думал Матвей про сына. — По крайности развязка!»

Жаль ему было Николку, очень жаль, и оставлять его при смерти было совестно. Но что же поделаешь иначе? С собой не возьмешь, потому что начальство не пропустит больного на баржу, на поправку его тоже надежды не было — еле дышит, а просидеть из-за него еще целый месяц на одном месте значило разориться и погибнуть. Завтра не уедешь, а Николка, глядишь, завтра же и помрет, — только задержит. Так на него и смотрели все, как на пропащего. А у Матвея, кроме Николки, было в семье восемь душ, о которых нельзя было не подумать. Либо всем погибать и Николкиной смерти дожидаться, либо уходить подобру-поздорову дальше, а Николка, бог с ним, пускай умирает один.

(«Нужда»)

Е. ВДОВЕНКО

ПАВОДКИ

Отгуляла вода по тайге,
рыбьи стаи икру отметали,
и на каждой сосновой серьге
соки иглы медком пропитали.
И вернулась вода в берега,
рыбы вдруг донной нефтью запахли,
и впитала тот запах тайга,
словно в грязных цехах —
запах пакли.

А вдали от тайги и реки
народились на свет человечки
и уже поползли напрямки
окупнуться в таежной той речке.
И еще отгуляет вода,
к ней потянутся новые люди,
но ни речки уже никогда,
ни тайги здесь — не будет, не будет...

ЛЕС ОТДАРИТСЯ...

Берегите лес от огня —
чур нас всех от пожара лесного! —
он резвее любого коня
и страшнее зверя любого!
Берегите лес от людей —
от себя, если вы — помеха!
Берегите лес от идей
пустозвонных,
шальных, как эхо!
Берегите родной наш лес,
чтоб в него ротозей не влез,
злоумышленник и балбес,
недоросток ученый — тоже!
Лес отдарится,
всем воздаст,
на добро с рожденья горазд,
только надо его сберечь
и помочь ему, кто как может...

ФОТООБОИ

Передо мной — озера, реки, горы.
Леса, леса.

Но это все — со стен:
красивые и дикие просторы
цветных фотообоев всех систем.
Под этим «всех» я разумею страны,
а сам смотрю в сибирское окно —
и на живой природе вижу раны,
зло, что людьми же и сотворено.
Болят глаза:
так почва здесь изрыта
и так — до слез — изломана тайга,
что на Тунгуске след метеорита —
всего лишь словно след от сапога.

Вот и в цене обои дорогие —
хватай
психологический бальзам!
Для русских — на Руси —
от ностальгии!
Но от него — еще больней глазам...

Ни дыханья белого, ни скрипа.
Ни вчерашних, с вечера, следов.
Хочется куда-нибудь, где рыба
просит корма после холодов.
Хорошо бы, чтобы так и было.
Чтоб на речке — я и тишина.
И душа бы горести забыла,
От забот и дум отрешена.
Где-то там, где хвойные чащобы
и среди них укромный омуток,
выманить из лунки хорошо бы
икряных и толстых хоть с пяток!..
И намерзнуться, и для сугреву
пропустить глоток-другой огня,
а еще — пустить огонь по древу,
чтоб ухой побаловал меня...
Это все, конечно, достижимо,
кроме, разве, самого питья,
как продукта старого режима,
редкого теперь среди бытия.
Ну, да это к слову, право-слово.
Был бы клев — и нечего тужить.
Жаль, декабрь не поощряет клева, —
хоть бы в котелок что положить...

Евгений ВДОВЕНКО — поэт, член Союза писателей, участник войны, майор воздушно-десантных войск. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Лет пятнадцать назад он побывал в наших краях в творческой командировке. Наша своеобразная природа так полюбилась ему, что он решил переехать сюда на постоянное место жительства и здесь принял сердцем все проблемы и тревоги лесного Севера, коренных жителей и «братьев наших меньших».

Живет и работает в поселке Советский.

« ТАК БЫЛО »

(Из устных рассказов, записанных Е. А. КУЗАКОВОЙ)

Когда я была молодая, жила в поселке Щекурья. Там я родилась. Там отец и мать жили. Кроме меня, в семье были три брата и одна сестра (старшая). Сестра вышла замуж, в доме мужа живет. Один мой брат на Урале оленей выпасал. Два брата в лесу белок промыслили.

Мне исполнилось семнадцать лет. Я жила у отца.

Однажды с низовьев реки к нам приехал юноша на оленьей упряжке. Оленья нарта была загружена полностью вещами. Эти вещи он привез моему отцу для выкупа меня. Он когда-то в прошлом уже приезжал к отцу. Они уже встречались и договорились, сколько вещей, шкур оленей надо привезти для выкупа. Эти вещи юноша теперь и привез.

Он вошел в наш дом, поздоровался с отцом и матерью. Вскоре и котел вскипел, еда готова. Стол накрыли, стали есть.

Отец привезенные вещи в амбар положил. В наш дом собралось очень много народа. Вся наша родня была у нас. Одного брата не было, он был на Урале. Этот брат меня очень любил.

Сидели все, разговаривали. Отец встал, ко мне идет, близко подошел, говорит:

— Ну, доченька, собирайся! Этому юноше я тебя продал. Хватит у нас жить. Пришло время выходить замуж! Быстро соберешься и поедешь!

Мне этого юношу очень не надо было. Ехать к нему совсем не хочу! Села я на кровать и никого близко не подпускаю. Отец, два брата мне как ни говорят, я совершенно их слова не слушаю, говорю:

— Я сама пойду за того мужчину, кто мне нужен! А сейчас совсем не пойду!

Сидела я, сидела, стала плакать. Потом взяла свои косы в руки и ими бью тех, кто ко мне подходит. Совсем ни одного слова не слышала, все время плакала и билась косами. Косы мои очень длинные были, до пола.

Потом старшая сестра села ко мне на кровать, совсем тихонько мне начала говорить. Говорит, меня жалеет. Я, слушая ее, выпустила косы из рук. Руки, как палки, упали на колени. В это время зять и брат меня схватили, стали выносить на улицу. Я посреди пола упала, снова бороться стали. Я хотела снять сахи, но никак не могла развязать завязки. Тут зять, брат меня хорошенько схватили и вынесли на улицу. Там стояла оленья нарта, очень красивая, хорошо сделанная. Меня в нее втолкнули.

Как ни пыталась я убежать, но не смогла: я была привязана к нарте веревкой. Так меня увез юноша на Урал. Два года на Урале жила. Один год в Щекурье жила. Прошло четыре года и только тогда я приехала в Алтатумб.

Когда я вышла замуж, муж не имел даже чайника. Ничего не имел. Они все время кипятили котел, болтушку варили и ели.

Так я была выдана замуж. Теперь у меня осталась только одна дочь. Все дети умерли.

Записано со слов манси Гоголевой Акулины Прокофьевны, 90 лет, неграмотной, в 1951 году в дер. Алтатумб Березовского района.

Река Евра — своенравная и быстрая, с холодной коричневой водой. Летний запор ставился коллективно всеми мужчинами деревни. Затем делился по мужским паям. Каждая семья имела свой участок запора. Для запора готовили специальное желье из сосны высотой до семи метров. В воду через всю реку сначала вбивали толстые сваи, к которым привязывали сосновыми корнями длинные жерди в три ряда: два ряда из них были в воде, один — над водой. Желье корнями деревьев сплетали вместе, получались своего рода щиты. Вот эти щиты и надо было привязывать под водой к жердям. Для этого нужно было

обладать силой, здоровьем и умением. Не каждый мужчина мог нырять и работать под водой без каких-либо масок, иногда не обходилось и без беды. Задолго до установки запора выбирались молодые и здоровые парни, мужчины, которые готовились в качестве ныряльщиков. Одновременно в воду ныряли трое—четверо, тянули с собой щит и очень быстро, ловко и крепко должны были привязать его под водой. Одни выплывали, ныряли другие. Так устанавливался летний запор. Специально оставляли часть реки от берега, примерно до двух метров шириной, незагороженной. Тут, на берегу, убивали петуха или овцу, пускали кровь убитой жертвы, говоря: «Водяной, мы тебе даем кровь, ты нам дай рыбу». Только после этого ритуала ставился последний щит. Вдоль всего запора от одного берега до другого устанавливалась лава, по которой ходили, когда ставили и вынимали морды.

После ныряния в воду ныряльщики грелись брагой, а потом в специально натопленной бане. По окончании всех работ мужчины пили брагу. Женщин на запор не пускали.

Записано в пос. Дальний в 1984 г. от манси Молоткова Кирилла Васильевича.

Населенный пункт Левдым раньше считался городком. Сюда на старинный праздник Петров день съезжались манси из деревень Яхотпауль, Кошат, Вершина. Здесь на Святой горке манси гуляли два-три дня. В жертву духам резали скот. Непременными инструментами на таких гуляниях были мансийские пятиструнная бандура и девятиструнный журавль. Струны делались из жил скота.

Второй приход находился в мансийском селении Сатыга Кондинского района. В Сатыгу на праздники приходили и восточные манси с Юконды, из Шугура и Карыма. Они шли охотничьими тропами и таежными дорогами. В Сатыге был свой мансийский князь по фамилии Сатыгин. Эта фамилия в селении преобладала.

Сообщил манси Нертымов Василий Прокопьевич, 83 лет, неграмотный, житель д. Левдым Карымского сельсовета Кондинского района. Записано в 1955 г.



Рис. А. МУХАМЕТОВОЙ.

УЗОР

«ГЛУХАРКА СНА»

Переходим к публикации стилизованных изображений в орнаменте хантов реки Казым.

Орнамент данного типа в настоящее время широко бытует на берестяных изделиях в технике «выскабливание по бересте», на рукодельных мешочках и мешочках для хранения мягких вещей в технике « меховая мозаика», на игольницах и современных хозяйственных сумках в технике «мозаика по сукну».

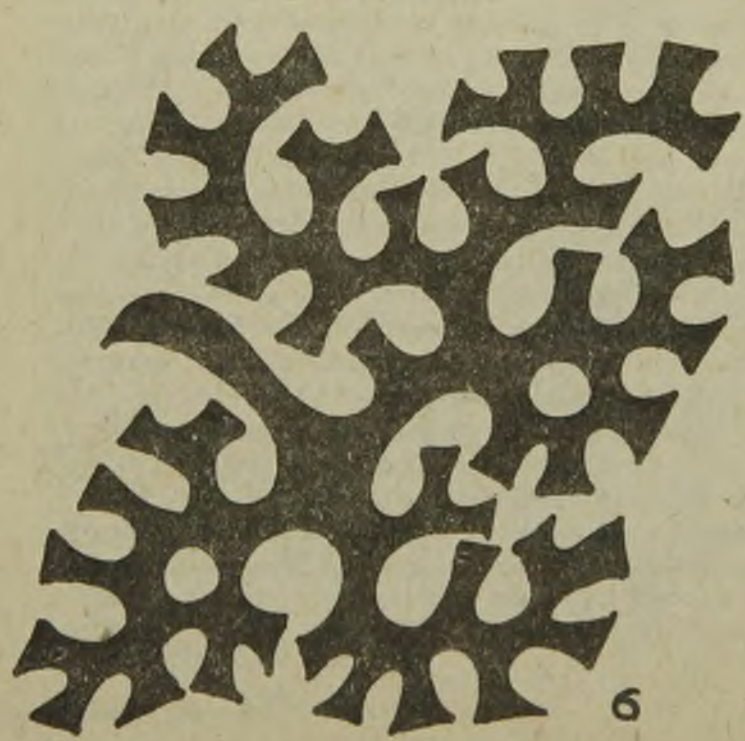
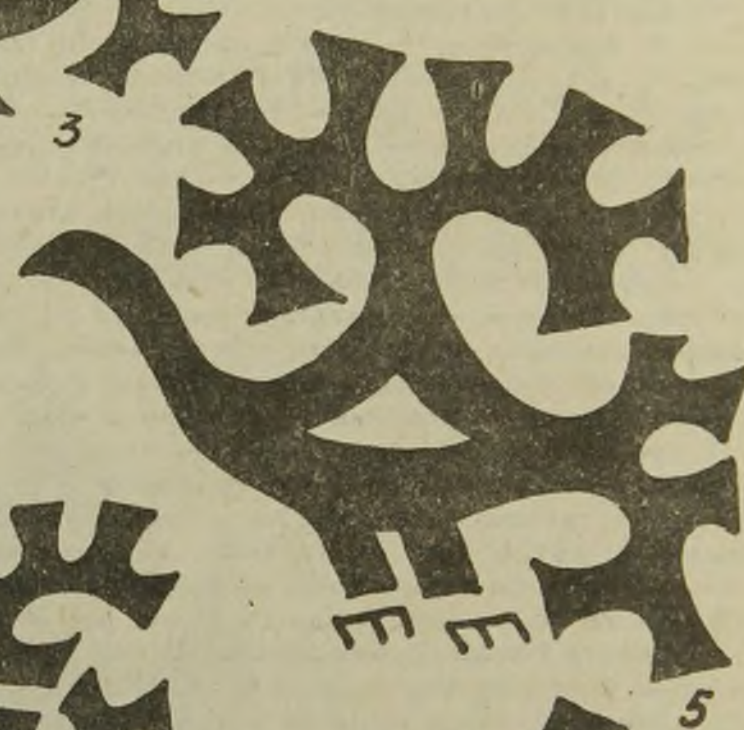
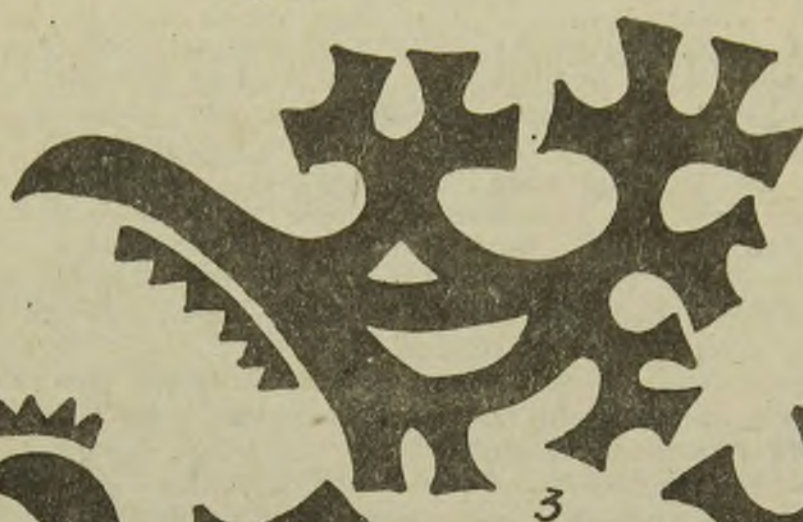
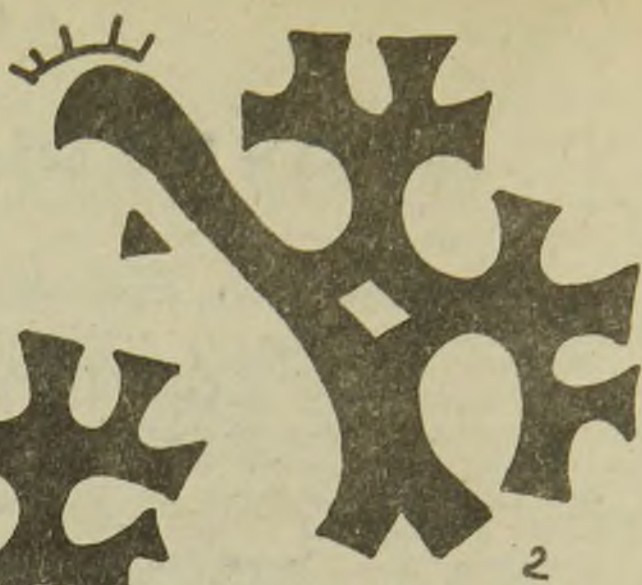
Подобные изображения В. П. Чернецов связывает с изображением тотемных животных. В настоящее время в большей степени эти узоры играют декоративную роль. Однако бытование на р. Казым вполне определенных мотивов может указывать на исторические связи данной группы с другими. Полное же изучение орнаментов каждого региона дает картину исторических контактов отдельных групп хантыйского и мансийского народов.

Стилизованные изображения животных достаточно хорошо изучены. Они связаны со «знаменами» — собственноручными подписями остяков и вогулов на исторических документах XVII века и пиктограммах. Остяцкие «знамена» исследованы Оглоблиным и «с тех пор заняли особое место среди тамг и знамен многочисленных племен России» (Руденко С. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2. Этнографический отдел Гос. Русск. музея, 1929 г. «Графическое искусство остяков и вогулов»). Они «резко отличаются от «знамен» всех народностей России своеобразным начертанием, имеют много общего лишь с родовыми знаками северо-американских индейцев». В 1920-ых годах С. Руденко собрал коллекцию остяцких и вогульских рисунков на бумаге, исполненных главным образом взрослыми мужчинами и женщинами. При исследовании этих и других рисунков он пришел к выводу, что «остяки и вогулы отличаются ... несомненным художественным дарованием и особым стилем в орнаментике».

В данной статье мы приводим варианты узора «глухарка сна» — наиболее распространенного стилизованного изображения у хантов р. Казым. Его широкое бытование связано с тем, что до сегодняшнего дня он играет магическую роль. Орнамент «олум лук» — «глухарка сна» — обязательное украшение детской люльки. Его выскабливают как на ночной, так и на дневной люльках из бересты против того места, где находится голова ребенка. Считается, что глухарка носит сон человека. Новорожденный ребенок еще весь во власти того мира, из которого он пришел, весь во власти мира богини Калтась. До появления зубов он еще не в силах понять, что уже в другом мире. Его души (а их у мужчин — 5, у женщин — 4) непрерывно вибрируют на грани двух миров, все для него зыбко. Поэтому так важна для него привязка к этому миру. Знаками устойчивости, как бы «колышками для привязки душ», являются орнаменты на его люльке, где наиважнейшую роль играет узор «глухарка сна». Глухарка чутко следит за тем, чтобы малыш все большую и большую часть времени бодрствовал, привыкая к миру, в котором придется жить. В дальнейшем функция «глухарки сна» меняется, она следит за тем, чтобы ребенок вовремя засыпал и его души отдыхали бы от нашего мира. Со временем «глухарка» привыкает к человеку и в дальнейшем без «опознавательного» знака сама следует повсюду за конкретным человеком. На первых же этапах жизни ребенка так важно «приручить» ее к нему, поэтому каждая детская колыбель украшается этим узором.

Т. МОЛДАНОВА.

Рис. автора.

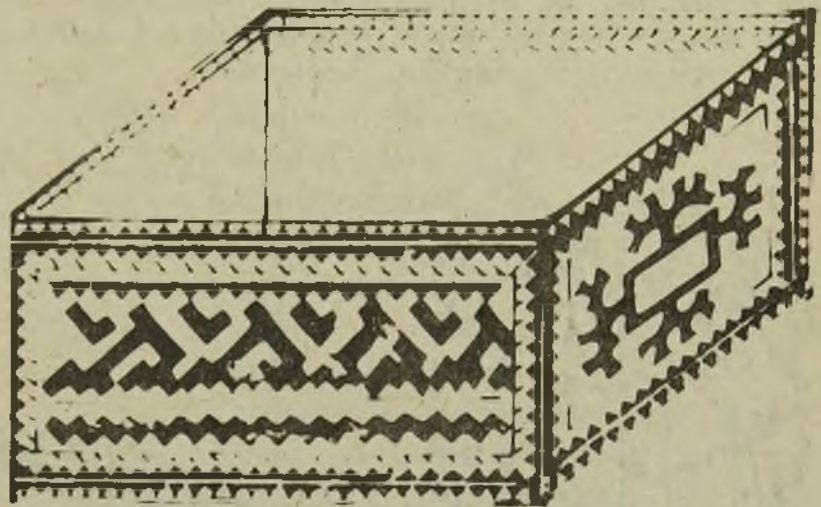


КОРОБКА ИЗ БЕРЕСТЫ

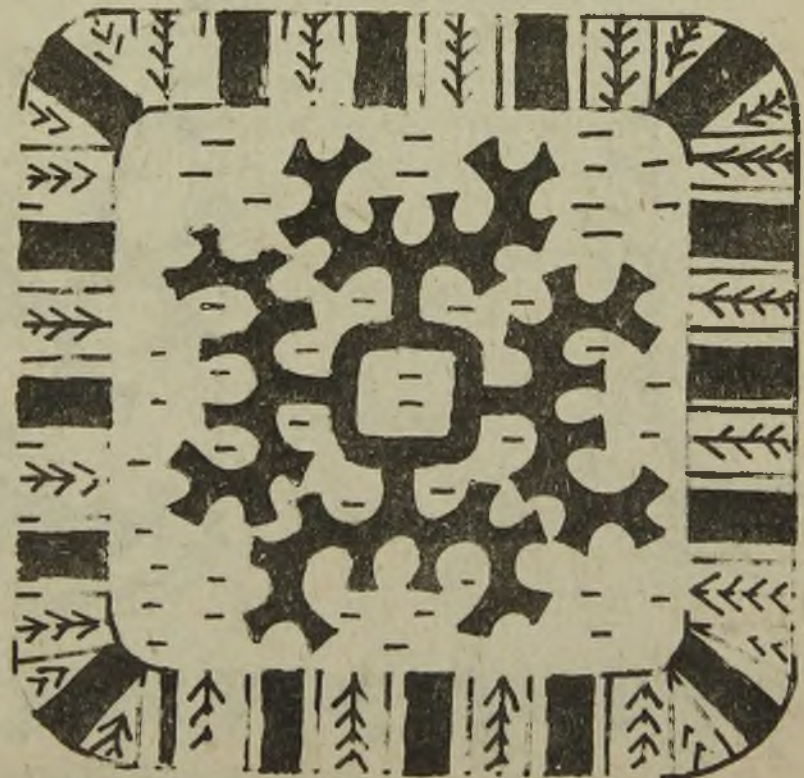
Сӕс тӕтап — манс., йул — хант. — короб берестяной для повседневных мелочей. Это короб для невесты, его готовят как приданое, поэтому оформляют очень красиво.

Шьет его обычно мастерица-мать или старшая сестра, а невеста со временем научится у мастериц в семье — это ритуал семейной преемственности. Примерные размеры: верхнее и нижнее основания имеют форму квадрата, только вместо прямых углов — закругленные, высота составляет примерно половину стороны квадрата, сторона квадрата равна примерно 15—20 см, а высота 7—10 см. Эта посуда оформляется черемуховыми рейками, нанесенными на ней треугольниками, а также наносится орнамент посредством выскабливания на бересту. Орнамент на крышке — обычно это костище.

Вид сбоку



Вид сверху.

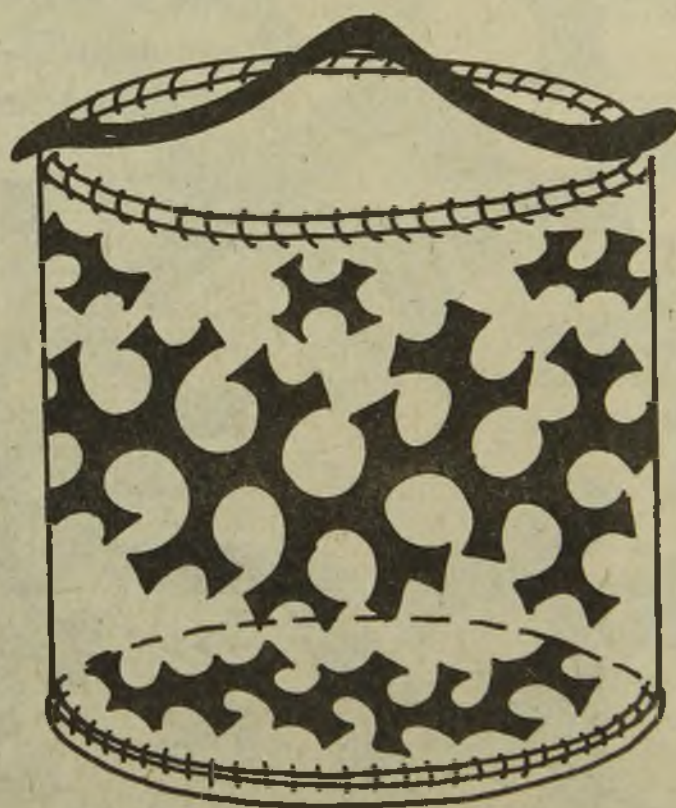
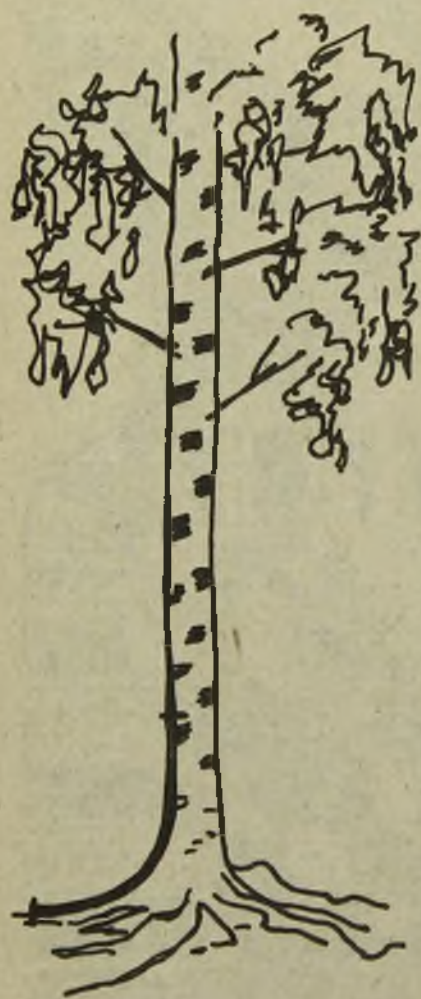



Все остальное, что вы видите, — это орнаменты на бересте, они выскабливаются кончиком ножа.

Покрышка насаживается на тонкую черемуховую пластинку, плотно прилегающую к основе сās тōтап. Ее концы опускают внутрь сās тōтап, затем закрепляют и пришивают к покрышке.

Ведро из бересты — вит-вит — манс., йиньинл — хант. Изготавливается из двух слоев бересты. Берут два совершенно одинаковых куска прямоугольной формы, наружный слой — халюп (ман.), хали (хант.) — снимают, береста весенне-осенняя, слои накладывают друг на друга и сшивают вместе. Затем сшивают концы, заправив друг в друга — получается цилиндр. Готовят два черемуховых обруча, один прикрепляют к верху, другой — к нижней кромочке, по бокам две рейки. Наружную рейку вместе с внутренним обручем зашивают швом через край (см. рисунок), затем готовят двойное дно. На кромочку пришивают мягкую кожу. Дно к основе пришивают вместе с рейкой и нижним обручем. Вот так получают очень прочное ведро. Такое ведро не течет, здесь важную роль играет кожа. Его красиво оформляют орнаментом, и конечно же, дети с удовольствием носят в нем воду.

Из корня и нижней части ствола молодой березки делают дужку для ведра.





ГОВОРИТЕ ПО-МАНСИЙСКИ

Урок десятый

Словарь к теме «БОЛЬНИЦА» — «ПУЛЬНИЦА»

Что болит?

Голова болит. •

Руки, ноги болят.

Сердце болит.

Нос болит.

Глаза болят.

Спина болит.

Живот болит.

Ухо болит.

Шея болит.

Работать не могу.

Когда заболел(а)?

Давно заболел(а).

Вчера заболел(а).

Недавно заболел(а).

Сейчас посмотрю, послушаю.

Нужно лечение.

Я выпишу уколы, таблетки.

Где их купить?

В аптеке.

Через три дня еще нужно
прийти на прием.

Желаю здоровья.

Манарын агмын?

Пумкум агмын.

Катагум, лаглагум агмыныг.

Симум агмын.

Нёлум агмын.

Самагум агмыныг.

Сисум агмын.

Пуким агмын.

Палюм агмын.

Сиплум агмын.

Рупитанкв ат вермегум.

Хунь агмыныг емтсын?

Хосатнув тагл агмын.

Молхотал агмыл емтыс.

Молалнув агмыл емтыс.

Ам сунсылум, хунтлылум.

Нанын пусмалтахтункве эри.

Нан уколыл вос варавен,
тэрпи аев.

Тэрпит тот ровегыт ёвтункве?

Аптекат евтэн.

Тит хотал олэгын ос ёхтэн.

Пусмалтахтэн.

ПРИМЕЧАНИЕ: В связи с отсутствием на полиграфической базе типографии знака для передачи заднеязычного носового «н» в тексте он обозначен переднеязычным носовым «ң».

Топонимический словарь Югры¹

Л—М

ЛАНГЕПАС — город в Среднем Приобье. В переводе с хантыйского означает беличье место, беличье угодье. Статус города получил 18 августа 1985 г.

[Тюменская правда, 7.10.87].

ЛОХТОХЫТКУРТ — село в Октябрьском районе. Название имеет хантыйские три корня: лох — залив, тохит — невод, курт — деревня. Деревня, люди которой облавливают неводом заливы.

ЛЯПИН — приток Северной Сосьвы. Русские, пришедшие когда-то сюда, называли ее Сыгва, а манси называют Сакв. Ляпином назывался в конце XV века городок обских угров, находившийся здесь. Возможно, отсюда это нынешнее название. Но Г. Миллер пишет, что эта река называлась Лопинг-сойм, а городок Лопынг-уш, где мансийское «сойм» — ручей; «ус», трансформированное в «уш», — город. Возможно, что русские тогда загадочное Лопынг превратили в Ляпин.

[А. Матвеев. Географ. названия Урала. 1980. с. 163].

МАНГАЗЕЯ — город XVII века на р. Таз. Предположительно, название произошло от наименования группы энцев — «монкаси» и слова «я» — земля. Значит, Мангазея — земля монкаси.

[С. Будьков. География Тюм. обл. 1989. с. 112].

МЕГИОН — город на берегу Оби. Есть два мнения о происхождении названия. Первое, как предполагает Г. Лазарев, от хантыйского: «мевты» — язь. Но в Припечорье «мега» — речной мыс, излучина реки, и название «Мегион», считает свердловский краевед Г. Русаков, произошло именно от этого топонима. Видимо, это так и есть, так как, действительно, есть и большая излучина обской протоки с названием Мега, на которой и стоит город, есть мысы (поселок в верховьях протоки называется Мысовая Мега), да и город расположился на мысу. Значит, Мегион — «мысовый город», или «город в излучине реки». Томский купец Былин (недалеко когда-то была деревня его имени — Былино) называл реку Мегу еще Богатой, — видимо, от изобилия рыбы на местных угодьях. С 1912 года пристань Мегион вошла в справочник обь-иртышских речников.

МОИНГКУРТ — деревня в Октябрьском районе. В переводе с хантыйского: деревня, где любят принимать гостей. Один из притоков речки Батлымки носит название Моинг-ехан — гостевая речка.

МОРТЫМЬЯ — деревня в Кондинском районе. Раньше по зимнику ямщики возили рыбу на Урал с Оби и обратили внимание, что здесь тепло наступает раньше, чем у них, сюда раньше прилетают птицы — мансийское: морттынг мув воет. Отсюда и название.

МУВКУРТ — деревня в Ханты-Мансийском районе. Хантыйское «мув» — земля, «курт» — деревня, значит — «земляная деревня». На берегу Ендырской протоки местные жители издавна использовали местную белую глину для приведения своих жилищ в порядок. Отсюда и такое название.

1. Публикуется с сокращениями.

Шкаф на распорках

В проеме между бетонными стенками (при небольшом между ними расстоянии) можно оборудовать шкаф, не прибегая к пробойнику. Для этого надо зафиксировать распорками вертикальные деревянные бруски. Распорки станут основанием полок. Клинья между вертикальными брусками и стенкой обеспечат дополнительную устойчивость остову, который оснащается полками и дверцами (рис. 1).

А. ПЕЧЕРСКИЙ.

Передвижной светильник

Даже в малогабаритной кухне хозяйке может не хватать освещения за кухонным столом. Использовать в потолочном светильнике мощную лампу — вряд ли целесообразно, а разместить дополнительный настольный или настенный осветительный прибор порой не удастся из-за тесноты или особенностей планировки.

Читатель Г. Соколов из Звездного городка предлагает выйти из положения, сделав потолочный светильник передвижным. Для этого понадобится оконный карниз, который крепится к потолку вашей кухни по ширине или длине в зависимости от того, как расположена мебель, и гибкий электрический шнур.

Подвесить светильник на карниз Г. Соколов предлагает на паре ползунков с помощью промежуточной балочки, изготовленной из деталей детского конструктора. Мы не приводим здесь конструкцию подвески: она довольно проста, и любителю мастерить вполне достаточно лишь идеи. Ну а если к тому же обеспечить возможность менять высоту расположения светильника, душа хозяйки, без сомнения, будет окончательно довольна (рис. 2).



Рис. 1.

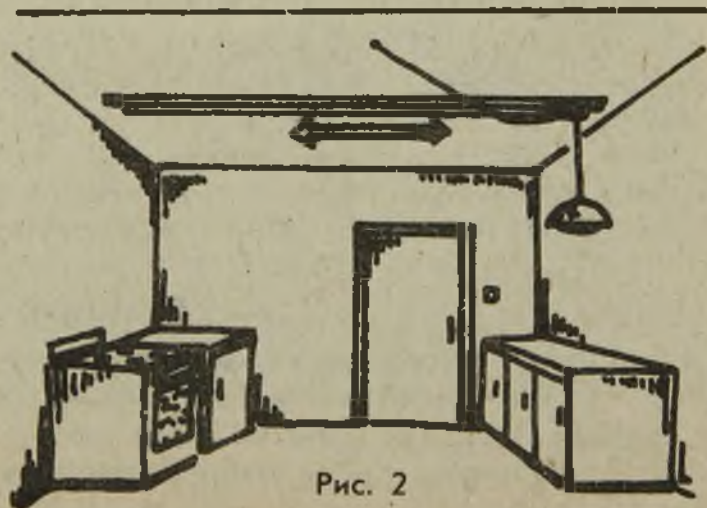


Рис. 2

А. ЗЕЛЕНИН

ОПАСНЫЕ ВСТРЕЧИ

Охотники говорят: «Где заяц-беляк, там и рысь». Однако это не совсем так. В нашей тайге и пойме Оби зайцев много, а вот рысь — редкость. Хищник этот крупный, достигает веса 30 килограммов и более. Питается преимущественно зайцами, добывая их скрадыванием или поджидая на валежине под тропой. Прыжок всегда рассчитан точно — промахов почти не бывает. Нападает и на молодяк крупных копытных животных и, вонзив острые когти в спину, едет верхом, пока не перегрызет шейные артерии. Подходить к сидящей на дереве рыси нужно осторожно: она может прыгнуть на плечи, сбить с ног, вонзить острые когти и клыки.

В Октябрьский район эта кошка заходит случайно, вдоль железной дороги Ивдель — Обь. Из-за глубоких снегов голодные рыси держатся вблизи поселков, поэтому становятся легкой добычей охотников.

Приведу несколько примеров, когда встреча с хищниками могла для людей окончиться трагически по их собственной оплошности.

ПОДАРОК ВНУКУ

Старый ханты Иван Кузьмич Сумкин за свою долгую жизнь добывал много разных зверей. Когда выросли и разъехались дети, а он — ветеран войны, бывший защитник Сталинграда — остался один и вышел на заслуженный отдых, решил охотой больше не заниматься.

Как-то под Новый год, будучи в гостях у дочери в Старой Нягани, пошел он в лес, окружавший поселок со всех сторон, чтобы принести внуку елку. Скользя тихонько на лыжах и рассматривая деревья, по укоренившейся привычке читал «лесную книгу» о таинствах жизни таежных обитателей. Вдруг его внимание привлекли незнакомые, необычно крупные круглые следы какого-то зверя. Таких он никогда прежде не встречал, поэтому из любопытства решил немного пройтись рядом с ними. Следы привели к елке.

В густых ветвях в двух метрах от земли с оскаленными зубами сидела большая пятнистая кошка.

Не успел Иван Кузьмич путем и рассмотреть ее, как рысь метнулась на него. Маленький ростом старик быстро уклонился в сторону, а хищник зарылся в глубоком снегу. Когда на его поверхности показалась голова зверя, Иван Кузьмич ударил по ней топориком. Рысь оказалась очень истощенной и ослабевшей. С трудом дотащил он зверя до дома, ободрал, а шкуру подарил внуку на шапку.

СТРАННЫЙ ЗВЕРЬ

Случай этот произошел в ста километрах севернее Полярного круга. Промысловик Аксарковского рыбозавода (где я тогда работал) Михаил Павлович Валитов (зырянин по национальности), передовик рыбного промысла, после работы запряг в нарточку пару собак и поехал по

берегу Оби проверять установленные на песцов капканы неподалеку от поселка Товопогол.

Когда часть их уже была проверена, обнаружил, что очередного капкана на месте нет. От него к ближайшим густым кустам низкорослого тальника уходили круглые следы неизвестного зверя.

Привязав собак, Михаил с топориком на лыжах направился туда. Каково же было его удивление, когда, поднимаясь по склону оврага, увидел в одном из кустов необычайно крупного кота с прижатыми к голове ушами. В своей небольшой деревеньке он знал всех соседских кошек, поэтому решил, что кто-то привез его из райцентра и выпустил на верную гибель. Михаил хотел освободить его из капкана и забрать в поселок, но в это время «кот» молниеносно бросился на охотника и сжал свои острые клыки на кисти правой руки, поднятой для защиты, зацарапал задними лапами по малице, стараясь выпустить противнику кишки.

Хорошо, что промысловик не растерялся. Он моментально подмял зверя под себя, свободной левой рукой с трудом вытащил топорик из правой и ударил хищника по черепу.

Вечером в деревне никто не мог угадать, что это за диковинный зверь. Поэтому утром приехали ко мне со шкурой и узнали, что это рысь, с которой раньше я неоднократно встречался неподалеку от Тобольска.

В течение последних 20 лет мне стали известны еще около десятка случаев заходов этих кошек в наш район. Все они были пойманы в капканы (одна даже на огороде на окраине поселка). Был случай, когда рысь бросилась с дерева на проходившего мимо по тропинке охотника, но промахнулась. Другую лайки загнали на дерево. Все звери были сильно истощены.

В нормальных условиях существования рыси предпочитают с человеком не встречаться и моментально скрываются от него. Но в сельскохозяйственной зоне частенько нападают на овец, гусей, заходят зимой на бойни и даже перебираются через заборы, ограждающие зверофермы с пушными зверями.

Октябрьский район.



Фото В. НАЗАРОВА.

БОЛЬШОЙ ПЁСТРЫЙ ДЯТЕЛ

Ю. ГОРДЕЕВ

Три дня в начале апреля было тепло, и снег везде подтаял, но сегодня ночью подул север, и он взялся коркой. В еловой роще, где вчера мы глубоко проваливались, сегодня даже без лыж можно ходить везде. Обрадованные, мы пробрались в дальний край рощи и тут увидели обломок старой ели, вокруг которого на снегу темнела куча шишек, как будто кто-то высыпал их из мешка. Никаких следов на снегу не было. Мы в недоумении повернули обратно и уже прошли несколько шагов, как услышали позади торопливое «тук-тук, тук-тук». Оглядываемся и на еловом пеньке видим птицу раза в два крупнее воробья. Ким рассмотрев ее авторитетно заявил что это дятел. Как я убедился впоследствии, перед нами действительно был большой пестрый дятел — обычная птица зимней тайги.

Свое название он получил за окраску оперения и большой рост по сравнению с таким же по окраске малым дятлом, который также живет в наших лесах, но предпочитает ивовые рощи. Окраска у большого дятла простая всего из трех цветов: белый на брюхе, ярко-красный на подхвостье, черный на спине, крыльях и хвосте.

В ту первую встречу окраска не произвела на меня особого впечатления, зато поведение запомнилось. Поразило умение этой птицы легко передвигаться по стволу, как будто по земле, да еще с шишкой. Тогда я не знал, что такие способности дятла объясняются особенностями строения его лап, клюва и хвоста. С ними я познакомился позже, когда учился в пятом классе.

Это было в марте. Перецдя на лыжах через скрытую под снегом реку Сосьву, я оказался в роще ивняка и здесь наткнулся на старую рыболовную сеть, которую какой-то охотник растянул для отлова белых куропаток. Куропаток в ней не было, зато загадочным образом запуталось сразу три пестрых дятла. Я обрадовался такой находке, благодаря которой без ружья можно было добыть эту птицу, и принялся ее рассматривать. Первым делом меня поразило клюв. Он был прямой и сверху походил на клин, по краям и по середине которого шли ребра придававшие ему жесткость. Кончик клюва был, как долото, острый и оставил глубокие ямки на ивовой коре, когда я не сильно прижал к ней голову мертвого дятла. Теперь мне стала понятной та легкость, с которой он долбит древесину и только щепки летят в разные стороны.

Потом я посмотрел на лапы, потрогал когти — они острые, так и цепляются за рукавичку. Поразили и сами ноги: обыкновенная птичья четырехпалая лапа имела необычное расположение пальцев: два вперед, два назад. Они действовали, как щипцы, и позволяли птице держаться на стволах.

К особенностям лапы присоединяется и особенность хвоста: он короткий, а перья очень жестки. Получается своеобразный стул, на который постоянно опирается птица, особенно, когда долбит кору.

Так в этот день я познакомился с дятлом. Но для меня осталось загадкой, почему три птицы оказались в сетке. Разгадка пришла позже, когда знаний прибавилось. Связано это было с брачным поведением, о котором речь пойдет дальше.

Самое темное время зимы — декабрь-февраль — дятел только тем и занят, что таскает с елей, сосен и лиственниц шишки да долбит их, доставая мелкие семена. Много придется обработать их, прежде чем придет насыщение, порой до 60—70 штук в день. При этом нужно учесть еще то, что, охраняя свои запасы, он должен облететь все урочище, где зимует, чтобы вовремя предупредить кражу их другими дятлами. И не просто облететь, но по пути должен подолбить на пеньках «дятловых кузницах», чтобы другие по стучу знали: урочище занято!

Так в ежедневных делах и заботах проходит темное время, наступает март — день удлиняется и солнечного света хватает, чтоб насытиться и заняться новыми делами, из которых самое главное — найти подругу. Для этого нужно сделать громкое «объявление», для которого у дятла нет приятного голоса, зато есть «лесной барабан». Дятел выбирает расщепленный ствол, ударяет клювом — щепка начинает вибрировать, а он держит клюв неподвижно и получает желаемый тон. Пробарабанив несколько раз на одном дереве, он летит к другому и там снова

пускает несколько дробей. Не всегда музыкальные инструменты из щепок бывают хороши, тогда приходится использовать сухие сучки и даже телеграфные столбы.

Ежедневно исполняя свою барабанную дробь, дятел не только грозно предупреждает соперников, чтобы не нарушали границу, но и призывает незнакомую дятлиху, которая молча жила всю зиму где-то за дальними болотами. Дробь звучит рано по утрам, когда ветер еще не шумит, поэтому далеко слышно. Проходит несколько дней, пока дятел вдруг не услышит ответную дробь дятлихи, которая звучит реже и тише. Услышав ее, он спешит навстречу и тут часто пересекает чужие границы, где живет такой же одинокий самец, жаждущий встречи. Возникает конфликт. В эти моменты знакомый по зимним встречам молчаливый дятел меняется. Он поднимая задорно вверх свой жесткий хвост, сердито чирикает и верещит, летит навстречу, не обращая внимания на разные лесные помехи. Вот тут-то он и может попасть в сеть.

В апреле свадебные страсти у дятлов заканчиваются и начинается семейная жизнь. Сразу возникает главный вопрос: где жить? Для дятла ответ однозначен — в собственном закрытом дупле! Начинается его быстрая постройка, благо инструмент всегда при себе, и дерево каждым хозяином урочища за зиму примерно определено. В начале мая семья еще раз обследует его. Долбят дупло вместе, сменяя друг друга через 15—20 минут. При такой прилежной работе в середине мая обычно дупло бывает готовым.

Излюбленное дерево, в котором дятлы устраивают свои дупла, осина. Реже это береза и еще реже — другие породы. Вход в дупло обычно располагается в 3—5 метрах от земли на восточной стороне ствола. Само гнездо представляет собой расширение в дупле, выстланное мелкими кусочками древесины из стенок этого же дупла.

Каждую весну дятел готовит для себя новое дупло, оставляя старое, поэтому в лесу он — незаменимый строитель жилого фонда. Дупла, которые строит большой пестрый дятел, из-за их глубины и удобных размеров летка охотно занимают другие птицы-дуплогнездки: мухоловки, синицы, поползни, вертишейки.

После того, как самка начнет насиживать, и до момента, пока не вылупятся птенцы, дятлы ведут тихую, малозаметную жизнь. Как только птенцы подрастут, они с утра и до вечера, как заведенные, кричат. Крик резко усиливается, когда они слышат шорох по коре дерева: это сигнал, что родители прилетели. По крику птенцов дупла легко найти и подсчитать, сколько дятлов живет в урочище.

Птенцы ведут себя шумно, пока не наступит день вылета из дупла. С момента вылета поведение резко меняется, они становятся молчаливыми и скрытными до самой осени, когда начинаются кочевки. В это время дятлы вновь обращают на себя внимание, часто подавая звонкий отрывистый голос «кик кик», следуя за стайками синиц. В некоторые годы в таких осенних перекочевках участвует много дятлов — например, в 1984 г. в кедровом урочище Летний сад возле Ханты-Мансийска за час пролетало до 70—80 птиц.

Такие мощные перееселения бывают не каждый год и вызывает их неурожай основного корма большого пестрого дятла — семян ели и сосны. В неурожай птицы вынуждены переходить на не свойственные им корма. Они поедают овес из навоза, посещая лесные конские дороги, мясо со шкур забитых коров или лосей.

В обычные годы, когда урожай еловых и сосновых семян достаточный, они довольствуются ими. Семена составляют основу зимнего питания, тогда как насекомые живущие в древесине — в основном личинки златок, дровосеков, служат дополнительным кормом. Однако, если дятлы находят деревья, сильно поврежденные этими насекомыми, то по несколько раз в день прилетают к ним и за зиму под ними образуются куча щепок. Способность дятлов узнавать в лесу деревья, зараженные вредителями, всегда поражала наблюдавшего за ними человека. Недаром он им дал название «лесных докторов».

Кроме исключительно полезной работы дятлов по оздоровлению лесов, за ними водятся и относительно вредные дела. В апреле, когда проталивают верхушки муравейников и муравьи, оживая, пробираются на поверхность, дятлы наносят им ощутимый урон. Отогреваясь днем, муравьи бодро шевелятся, не давая себя в обиду, зато к вечеру теряют свою воинственность от холода, сбиваются в кучу. Вот тут дятлы легко их и берут. Разрыв крепкими клювами верхний слой, они быстро поедают муравьев. После нескольких таких поселений на весенних муравейниках образуются хорошо заметные ямы, которые сохраняются до июня, пока оставшиеся в живых насекомые не заровняют их.

Весной, в мае, дятлы вредят и березам, устраивая «свадебное бражничество». Как только в пригретых солнцем стволах пойдет сок, они делают дырки в коре, которые потом очень долго выделяются темным цветом, причем располагают их по кругу — «кольцуют». Сок собирают не везде, а с низу ветвей, где он висит каплями. Дятел цепляется за ветку и, подставляя открытый клюв, пьет.

Таков он, наш весенний барабанщик, лесной доктор и строитель дупел. Летом среди множества птиц он мало заметен, зато зимой наряду с синицами становится живой душой в самых различных лесах и в теплый, и в холодный день. Сколько раз, когда приходил в лес зимой, торопливое «тук-тук» дятлов вселяло особое чувство радости оттого, что не все живое вымерзло после жестокой стужи.



Большой пестрый дятел на музыкальном инструменте «барабане».

Фото автора.



ФОТО Ю. ТРИФОНОВА

